
ЭДУАРД СЕРОУСОВ
КОСМИЧЕСКИЕ КОЧЕВНИКИ

Эдуард Сероусов

Космические кочевники

«Автор»
2025

Сероусов Э.

Космические кочевники / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В умирающей вселенной последние остатки человечества дрейфуют между заброшенными станциями на флотилии космических кораблей. Лира Эльвари, архивариус-навигатор, обнаруживает древний код, указывающий на загадочную аномалию — место, где время течёт вспять. Этот феномен может стать спасением для угасающего человечества или окончательно уничтожить хрупкое равновесие реальности. Лира и её противники из секты "Хранителей Потока" вступают в философское противостояние, где на кону стоит не только судьба Флота Кочевья, но и сама концепция будущего человеческой цивилизации.

© Сероусов Э., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Часть II: По следам древних 47
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Эдуард Сероусов
Космические кочевники

Пролог: Эхо прошлого

Огни погасли. В обширном круглом зале «Астролога» воцарилась тьма, густая и бархатная, какой не бывает на планетах с атмосферой. Лира Эльвари почувствовала, как её сердце привычно сжалось – каждый раз, когда начиналась Церемония Памяти, она испытывала трепет, словно прикасалась к чему-то священному.

Мягкий шёпот голосов стих. Три тысячи человек замерли в темноте.

– Мы собрались здесь, чтобы помнить, – раздался глубокий голос старейшины Совета Памяти. – Чтобы пронести сквозь время то, что было до нас, и передать тем, кто будет после.

Лира закрыла глаза, хотя в темноте это было излишним жестом. Она знала каждое слово церемонии, каждую интонацию. Двадцать восемь лет её жизни начинались с этого ритуала, неизменного, как движение кораблей сквозь пустоту.

– Вспомним Землю, наш первый дом, – продолжал голос, и центр зала озарился мягким голубым светом.

Перед ними возникла голограмма – прекрасная сине-зелёная сфера, окутанная белыми завитками облаков. Планета медленно вращалась, открывая континенты и океаны, горные цепи и ледяные шапки полюсов. Лира ощутила, как дрожат её пальцы. Каждый раз, глядя на Землю, она испытывала странное чувство – словно тоскуя по месту, где никогда не была.

– Вспомним Марс, первую колонию человечества, – голос старейшины звучал мерно и торжественно.

Рядом с Землёй возникла красная планета с белыми полярными шапками, с видимыми даже из космоса куполами поселений и паутиной каналов.

– Вспомним Европу, Ганимед, Каллисто…

Одна за другой появлялись голограммы планет и лун, станций и колоний – бывших домов человечества, утраченных в Великом Коллапсе.

– Вспомним Новую Терру, Ахерон, Эдем…

Планеты далёких звёзд, о которых теперь остались лишь записи в архивах и рассказы, передаваемые из поколения в поколение.

Когда последняя голограмма заняла своё место, зал превратился в миниатюрную модель освоенной когда-то человечеством части галактики – светящиеся точки соединялись линиями гиперпространственных маршрутов, образуя сеть, когда-то связывавшую воедино звёздную цивилизацию людей.

Лира смотрела на эту карту, ставшую для неё более реальной, чем сама реальность. Как архивариус-навигатор, она проводила долгие часы, изучая древние маршруты, записывая координаты погибших колоний, систематизируя данные о былых путях между звёздами.

– Теперь мы – память человечества, – голос старейшины поднялся до торжественного крещендо. – Мы – нить, связывающая прошлое и будущее. Пока мы помним, человечество живёт.

– Пока мы помним, – эхом отозвались три тысячи голосов.

Лира повторила слова вместе со всеми, но в глубине души почувствовала укол сомнения, который всё чаще беспокоил её в последнее время. Достаточно ли просто помнить? Или память должна служить чему-то большему?

Голограммы начали гаснуть одна за другой – сначала самые далёкие планеты, затем ближние колонии, затем Марс… Последней, сияя ярче всех, осталась Земля. Лира смотрела на неё, не отрываясь, пытаясь запечатлеть каждую деталь, словно боялась, что однажды даже эта искусственная проекция может исчезнуть.

Когда погасла последняя голограмма, в зале зажглись тусклые аварийные огни, освещая лица людей – бледные, сосредоточенные, с влажно блестящими глазами. Некоторые плакали открыто – в основном старики, помнившие рассказы тех, кто ещё видел настоящее небо над головой.

– Церемония окончена, – объявил старейшина. – Завтра Флот совершит прыжок к станции Мнемозина. Всем – готовиться.

Люди начали расходиться. Лира осталась сидеть, глядя на пустое пространство, где только что парили голограммы.

– Опять задумалась о вечном? – знакомый голос вывел её из оцепенения.

Киран, её младший брат, стоял рядом, улыбаясь той особой улыбкой, которая предназначалась только для неё – смесь нежности и лёгкой насмешки.

– Не о вечном, – ответила Лира, поднимаясь. – О прошлом.

– Разве не одно и то же? – Киран взъерошил свои короткие тёмные волосы. В отличие от сестры, он не носил традиционных металлических нитей, вплетённых в волосы – знак принадлежности к клану Навигаторов. Киран был пилотом разведывательного корабля, и его клан придерживался других традиций.

– Для меня – нет, – Лира направилась к выходу, и брат последовал за ней. – Прошлое когда-то было настоящим. А вечность… что мы знаем о вечности?

Они вышли в коридор, заполненный людьми. «Астролог» был одним из крупнейших кораблей Флота Кочевья, и на его борту обитало почти десять тысяч человек. Коридоры всегда были заполнены – люди спешили на смены, перемещались между секторами, транспортировали грузы.

– Как прошла последняя разведка? – спросила Лира, когда они миновали самый людный участок.

Лицо Кирана стало серьёзным:

– Не очень. Станция оказалась в худшем состоянии, чем мы предполагали. Большая часть отсеков разгерметизирована. Запасов мало.

– Но капитан всё равно решил идти туда?

– Выбора нет. Следующая потенциальная цель – в двух месяцах пути, если мы сэкономим на всём. А запасы…

Он не договорил, но Лира и так знала окончание фразы. Запасы подходили к концу. Как всегда. Флот Кочевья существовал в постоянном режиме экономии ресурсов, перемещаясь от одной мёртвой станции к другой, от руин одной колонии к развалинам следующей, собирая остатки погибшей цивилизации, чтобы продлить своё существование ещё на немного.

– Что тебя беспокоит? – Киран остановился и заглянул сестре в глаза. – Я вижу, что-то не так. Ты сама не своя в последнее время.

Лира вздохнула. Киран всегда видел её насквозь.

– Я просто думаю… что дальше? Мы движемся по кругу, Киран. Всё меньше станций, всё меньше ресурсов. Мы сохраняем память о прошлом, но что мы делаем для будущего?

– Мы выживаем, – просто ответил он. – Разве этого мало?

– Не знаю, – честно призналась Лира. – Иногда мне кажется, что мы как те голограммы в зале – светимся, но не живём по-настоящему.

Киран хотел что-то ответить, но их прервал сигнал коммуникатора на его запястье.

– Чёрт, меня вызывают в ангар. Предполётная проверка, – он бросил быстрый взгляд на сестру. – Поговорим после возвращения?

Лира кивнула:

– Будь осторожен там.

– Всегда, – он коснулся её плеча и быстро зашагал прочь.

Лира смотрела ему вслед, думая о том, как сильно изменился её младший брат. Когда-то беззаботный мальчишка, мечтавший о приключениях, теперь стал одним из лучших пилотов Флота – решительным, иногда даже безрассудным, но всегда надёжным.

Она развернулась и направилась в противоположную сторону, к архивам. Ей предстояло подготовить навигационные карты для завтрашнего прыжка. И возможно, там, среди древних звёздных карт и записей о давно умерших мирах, она найдёт ответ на вопрос, который не давал ей покоя: есть ли у человечества будущее, кроме бесконечного странствия среди руин собственного прошлого?

Часть I: Осколки цивилизации

Глава 1: Картографы пустоты

Архив «Астролога» представлял собой лабиринт из тесных помещений, заставленных стеллажами с физическими носителями информации и терминалами доступа к цифровым хранилищам. Здесь пахло пылью, металлом и тем особым запахом, который бывает только в очень старых библиотеках – запахом времени, застывшего на страницах.

Лира сидела за своим рабочим столом, погружённая в калибровку навигационных карт. Перед ней парила голографическая проекция сектора космоса, где находилась станция Мнемозина – следующая цель Флота. Её пальцы двигались в воздухе, корректируя параметры, сверяя данные из разных источников, сглаживая погрешности.

– Опять работаешь сверхурочно? – голос Тамира Норда, капитана «Астролога», заставил её вздрогнуть.

Лира подняла глаза. Капитан стоял в дверях, высокий и прямой, несмотря на свои шестьдесят лет. Его седые волосы были собраны в традиционный узел капитанов, а на запястьях поблёскивали капитанские браслеты – не просто украшения, а инструменты управления кораблём в критических ситуациях.

– Не могу оставить карты несовершенными, – ответила она, убирая со лба выбившуюся прядь с вплетёнными металлическими нитями. – Прыжок завтра, а у нас всё ещё есть несоответствия в данных о гравитационных колебаниях вблизи станции.

Тамир подошёл ближе и окинул взглядом проекцию:

– И что показывают данные?

– Странные искажения в пространстве-времени вокруг станции. Не критичные для прыжка, но я бы рекомендовала сделать финальный выход немного дальше, чем планировалось изначально.

Капитан задумчиво провёл пальцем по голографическому изображению:

– Ты сообщила в навигационный центр?

– Да, но они считают, что моя перестраховка излишня, – в голосе Лиры прозвучала нотка раздражения. – Говорят, что расход дополнительного топлива на коррекцию курса не оправдан.

– А ты так не считаешь?

– Я предпочитаю перестраховаться. Особенно после того, что случилось с «Гемерой».

Оба замолчали, вспоминая трагедию двухлетней давности, когда корабль «Гемера» был потерян во время неудачного прыжка. Четыреста двадцать семь жизней – огромная потеря для Флота, где каждый человек на счету.

– Я поговорю с ними, – наконец сказал Тамир. – Твои рекомендации всегда были точными.

– Спасибо, – Лира благодарно кивнула.

Капитан не ушёл, как она ожидала, а вместо этого присел на край стола:

– Но я пришёл не поэтому. Совет Капитанов провёл расширенное заседание вчера. Хотел обсудить с тобой результаты.

Лира выпрямилась. Расширенные заседания Совета созывались редко, только в случаях, когда требовалось принять действительно важные решения, затрагивающие весь Флот.

– Что решили?

– Мы сокращаем радиус поиска, – сказал Тамир, и в его голосе Лира услышала то, что редко проскальзывало у старого капитана – усталость. – После Мнемозины мы не будем больше исследовать дальние секторы. Только ближний космос, только проверенные маршруты.

– Но почему? – Лира нахмурилась. – Мы же всегда искали новые ресурсы, новые станции…

– Слишком рискованно, – ответил Тамир. – Топливо на исходе, запчасти для двигателей всё труднее синтезировать. Совет считает, что мы должны сосредоточиться на выживании, а не на исследованиях.

– Но разве выживание не связано с исследованиями? – возразила Лира. – Если мы перестанем искать новые источники ресурсов…

– Их становится всё меньше, – перебил её Тамир. – За последние десять лет мы нашли только три стоящих внимания станции. Остальные – пустые оболочки, разграбленные ещё до Коллапса или сразу после него.

Он провёл рукой по голографической карте, и изображение изменилось, показывая более широкий сектор космоса:

– Посмотри сама. Красным отмечены исследованные станции и колонии. Синим – те, что ещё предстоит проверить. Видишь соотношение?

Лира видела. Красных точек было в несколько раз больше, и с каждым годом синих становилось всё меньше.

– Но мы не можем просто… сдаться, – сказала она тихо.

– Это не капитуляция, – мягко возразил Тамир. – Это стратегическое решение. Сохранить ресурсы, продержаться дольше.

– Продержаться для чего? – вырвалось у Лиры. – Чтобы в итоге всё равно исчерпать всё и исчезнуть?

Тамир долго смотрел на неё, потом тяжело вздохнул:

– Знаешь, ты напоминаешь мне твою мать. Она тоже всегда задавала самые неудобные вопросы.

Лира опустила глаза. Она почти не помнила мать – та погибла, когда девочке было пять лет, во время катастрофы на внешнем шлюзе.

– Я не знаю ответов, Лира, – продолжил Тамир. – Никто из нас не знает. Мы просто делаем то, что должны – сохраняем человечество, сохраняем нашу память, нашу историю. Может быть, однажды мы найдём планету, пригодную для колонизации. Может быть, научимся синтезировать сложные материалы более эффективно. Может быть…

– Может быть, мы вымрем раньше, чем это произойдёт, – закончила Лира.

– Может быть, – не стал спорить Тамир. – Но это не повод прекращать борьбу.

Он поднялся:

– Заканчивай с картами и иди отдохни. Завтра важный день.

Когда капитан ушёл, Лира ещё долго смотрела на голографическую карту. Красные точки – исследованные и истощённые ресурсные базы. Синие – те немногие, что ещё давали слабую надежду. И все вместе – лишь крошечная часть когда-то обширной галактической цивилизации.

Иногда, работая с древними картами, Лира испытывала странное чувство. Словно вся история человечества – это не движение вперёд, а какой-то грандиозный эксперимент, пошедший не так. Словно была допущена фундаментальная ошибка, и теперь они все расплачиваются за неё, не понимая даже, в чём она заключалась.

Она вернулась к работе, калибруя маршрут, устраняя погрешности, готовя карты к завтрашнему прыжку. Завтра Флот достигнет станции Мнемозина – ещё одной точки в бесконечной цепи остановок, ещё одного источника ресурсов, который они исчерпают и двинутся дальше.

Но куда? И до каких пор?

На следующее утро Лира проснулась от сигнала тревоги. Не экстренного, с пронзительным воем, а предупреждающего – глубокого, вибрирующего звука, который означал, что корабль готовится к прыжку.

Она быстро оделась в свою форму архивариуса-навигатора – тёмно-синий комбинезон с серебристыми вставками и символом созвездия Кассиопеи на груди, древним знаком клана Навигаторов. Затем направилась в навигационный центр, где должна была находиться во время прыжка.

В коридорах было оживлённо – все спешили на свои посты. Во время прыжка каждый член экипажа «Астролога» должен был находиться на строго определённом месте, чтобы в случае нештатной ситуации мог немедленно приступить к своим обязанностям.

Навигационный центр представлял собой просторный зал с куполообразным потолком, на котором проецировалась текущая звёздная карта. В центре располагалась навигационная платформа – приподнятая круглая площадка, окружённая голографическими экранами. Здесь работали главные навигаторы, направляющие корабль во время прыжка.

Лира заняла своё место за консолью архивной поддержки. Её задачей было предоставлять историческую навигационную информацию, если система обнаружит несоответствия текущих данных с ожидаемыми.

– Все системы в норме, – доложил главный навигатор, немолодой мужчина с седыми висками и характерными для их клана металлическими нитями в волосах. – Корабль готов к прыжку.

– Расчётное время прыжка – три минуты, – объявил системный голос. – Всем приготовиться.

Лира активировала свою консоль и ещё раз проверила данные. Всё было в порядке – коррекция, которую она предложила вчера, была внесена в маршрут. Они выйдут из прыжка чуть дальше от станции, чем планировалось изначально, но зато в более стабильной области пространства.

Она бросила взгляд на экран внешнего обзора. Флот Кочевья выстраивался для прыжка – пятьдесят кораблей разного размера и назначения, от огромных жилых арклогов до маленьких разведывательных судов. Все они сейчас синхронизировали свои навигационные системы, готовясь к одновременному прыжку.

– Две минуты до прыжка.

Лира ощутила знакомое напряжение. Несмотря на всю подготовку, каждый прыжок оставался рискованным предприятием. Технология прыжков была одной из немногих, которые удалось сохранить после Коллапса, но даже она работала не так надёжно, как в былые времена. Слишком много знаний было утрачено, слишком много систем пришлось заменить упрощёнными аналогами.

– Одна минута до прыжка.

Она непроизвольно коснулась металлических нитей в своих волосах – старый жест навигаторов, почти суеверие. Говорили, что металл в волосах помогает лучше чувствовать потоки пространства-времени во время прыжка. Научного объяснения этому не было, но традиция сохранялась веками.

– Тридцать секунд.

Изображение на экранах начало мерцать – энергетические системы корабля перераспределяли мощность, направляя её к прыжковым двигателям.

– Десять секунд. Девять. Восемь…

Лира закрыла глаза.

– Три. Два. Один. Прыжок.

Мир исчез. Вместо него возникло ощущение падения без движения, растяжения без боли, существования вне времени. Секунда длилась вечность, а вечность укладывалась в долю секунды. Этот парадокс никогда не удавалось передать словами тем, кто не испытывал прыжка.

А затем всё закончилось – внезапно, словно кто-то переключил тумблер реальности. Звёзды на экране сместились, обозначая новое положение корабля в пространстве. Системы вернулись в нормальный режим работы.

– Прыжок завершён успешно, – объявил главный навигатор, сверяясь с показаниями приборов. – Координаты соответствуют расчётным. Все системы функционируют нормально.

Лира выдохнула. Ещё один успешный прыжок. Ещё один шаг в бесконечном путешествии.

– Станция Мнемозина обнаружена, – доложил оператор сканирования. – Расстояние – два световых часа. Энергетических сигнатур не фиксируется. Станция неактивна.

– Как и ожидалось, – кивнул главный навигатор. – Запускайте протокол сближения.

Теперь, когда прыжок был завершён, Лира могла покинуть свой пост. Её работа в навигационном центре закончилась до следующего перемещения. Но вместо того, чтобы уйти, она задержалась у главного экрана, глядя на изображение станции Мнемозина.

Это была типичная орбитальная исследовательская станция поздней докризисной эпохи – основное тело в форме диска с радиальными выступами лабораторных модулей и внешней кольцевой структурой. Многие сегменты выглядели повреждёнными – тёмные пятна на корпусе говорили о разгерметизации, а изломанные конструкции на внешнем кольце свидетельствовали о каком-то катастрофическом событии в прошлом.

– Впечатляет, да? – рядом с Лирой остановилась Элия Вант, инженер из технической группы.

– И пугает, – честно ответила Лира. – Странно видеть то, что создавали наши предки – такое грандиозное, такое амбициозное – и теперь брошенное, мёртвое.

– Не совсем мёртвое, – возразила Элия, кивая на экран, где техники уже запустили детальное сканирование. – Судя по предварительным данным, внутренние отсеки центрального модуля всё ещё герметичны. Там могут сохраниться ценные технологии и материалы.

– Или опасные сюрпризы, – заметила Лира. – Помнишь «Тесей»?

Элия поморщилась. «Тесей» был кораблём Флота, экипаж которого погиб при исследовании подобной станции из-за древней системы безопасности, внезапно активировавшейся после трёх веков молчания.

– Потому мы и проводим такое тщательное сканирование, – сказала Элия. – В любом случае, первыми отправятся автоматические зонды, а потом уже люди. Всё по протоколу.

Она бросила взгляд на Лиру:

– Ты в составе экспедиции?

– Да, – кивнула Лира. – Нас интересуют архивные системы станции. Судя по базе данных, Мнемозина специализировалась на долговременном хранении информации. Если нам повезёт, мы можем найти там ценные исторические записи или технические данные.

– Что конкретно вы ищете? – спросила Элия.

Лира немного помедлила с ответом. Как архивариус, она знала о многих проектах, о которых большинство обитателей Флота даже не подозревали.

– Если честно, мы сами не знаем точно, – наконец сказала она. – В базах упоминается, что Мнемозина была частью какого-то крупного исследовательского проекта, связанного с сохранением данных в условиях экстремальных космических явлений. Возможно, там есть технологии, которые помогут нам улучшить наши собственные системы хранения.

Элия хмыкнула:

– Звучит достаточно туманно.

– Так и есть, – согласилась Лира. – Данные о станции фрагментарны. Она была построена незадолго до Коллапса, и многие документы были утеряны.

На экране появилась трёхмерная модель станции с отмеченными безопасными маршрутами для посадочных капсул.

– Похоже, первые группы отправятся через шесть часов, – заметила Элия, глядя на бегущую строку с планом операции. – Тебе стоит подготовиться.

– Да, конечно, – кивнула Лира. – Увидимся на брифинге.

Она направилась к выходу из навигационного центра, чувствуя странное волнение. Каждая новая станция, каждая исследовательская миссия давали ей надежду – не просто найти ресурсы для продолжения существования, а обнаружить что-то важное, что могло бы изменить будущее всего Флота. Что-то, что превратило бы бесконечное странствие в путешествие с целью.

Может быть, Мнемозина станет именно такой находкой?

Глава 2: Станция Мнемозина

Посадочный челнок вздрогнул, когда его захватил автоматический стыковочный механизм станции Мнемозина. Древняя система, пробуждённая сигналом с «Астролога», ожила и теперь плавно направляла корабль к одному из внешних доков.

Лира сидела в кресле рядом с иллюминатором, наблюдая, как огромная конструкция станции заполняет всё поле зрения. Вблизи повреждения выглядели ещё более внушительными – зияющие пробоины в некоторых секторах, искорёженный металл, тёмные участки обшивки, подвергшиеся неизвестному воздействию.

– Выглядит так, будто здесь была война, – негромко произнёс сидевший рядом с ней Доран Кейн, специалист по защитным системам, входивший в состав экспедиции.

– Или природная катастрофа, – ответила Лира. – Похоже на последствия сильной радиации или экстремального гравитационного воздействия.

– Зонды не зафиксировали никаких необычных уровней радиации, – заметила Элия Вант, сидевшая через проход. Инженер постоянно сверялась с данными на своём планшете. – Что бы здесь ни произошло, это случилось давно.

Челнок вошёл в стыковочный отсек, и команда почувствовала лёгкий толчок – магнитные захваты зафиксировали корабль. Индикаторы на панели управления сменили цвет с красного на зелёный.

– Стыковка завершена успешно, – объявил пилот. – Проверка герметичности… Стыковочный узел герметичен. Давление в переходном шлюзе стабилизируется.

Командир экспедиции, суровая женщина по имени Сара Хельм, поднялась со своего места:

– Всем помнить инструктаж. Работаем строго парами, никто не отделяется от группы. Постоянная связь, каждые пятнадцать минут – доклад о местонахождении и состоянии. При малейших признаках нестабильности систем станции немедленное возвращение на челнок. Всем надеть гермошлемы.

Экспедиционная команда состояла из двенадцати человек – два навигатора-архивариуса (Лира и её коллега Виктор), три инженера (включая Элию), четверо специалистов по безопасности, два биотехника и командир. Всё они были одеты в лёгкие экспедиционные скафандры, защищающие от радиации и позволяющие кратковременное пребывание в вакууме, если бы часть станции внезапно разгерметизировалась.

– Активируйте маячки и датчики жизнеобеспечения, – скомандовала Сара, и все члены команды включили на своих скафандрах соответствующие системы. Теперь их местоположение и жизненные показатели будут непрерывно транслироваться на челнок и на «Астролог».

Когда давление в переходном шлюзе сравнялось с внутренним давлением станции, командир дала знак открыть внутренний люк. С тихим шипением тяжёлая дверь отъехала в сторону, открывая тёмный коридор, ведущий вглубь станции.

– Группа Альфа идёт первой, – скомандовала Сара. – Бета – страхует. Выдвигаемся.

Группа Альфа, состоявшая из двух специалистов по безопасности и инженера, первой шагнула в коридор, освещая путь мощными фонарями. Остальные двинулись следом, сохраняя дистанцию.

Лира шла рядом с Виктором, держась середины группы. Она активировала дополнительные сканеры на своём скафандре, настроенные на поиск информационных систем и архивных хранилищ.

Коридор станции был широким, рассчитанным на перемещение большого количества людей и оборудования. Стены, когда-то белые, теперь потемнели от времени и какого-то коричневатого налёта. Кое-где виднелись знаки и указатели на языке Объединённых Колоний – упрощённой версии английского, служившей официальным языком космических поселений до Коллапса.

– Общий контрольный пункт должен быть в конце этого коридора, – сказала Элия, сверяясь с картой станции на своём планшете. – Оттуда мы сможем активировать резервные системы питания, если они ещё функционируют.

Группа медленно продвигалась вперёд. Их шаги гулко отдавались в пустых коридорах станции, создавая жуткое эхо. Несмотря на то, что температура внутри поддерживалась на уровне, комфортном для человека (благодаря примитивным системам жизнеобеспечения, активированным зондами), Лира ощущала холодок, пробегавший по спине. Станция казалась призраком, застывшим во времени.

– Смотрите, – внезапно произнёс один из специалистов по безопасности, освещая фонарём участок стены. – Здесь что-то написано.

Лира подошла ближе. На стене виднелись полустёртые буквы, написанные, по всей видимости, от руки каким-то маркером или краской:

«ХРАНИТЕ ДАННЫЕ. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ИНВЕРС…»

Последнее слово обрывалось, словно писавший был прерван или не успел закончить.

– «Инверсии»? – предположил Виктор. – Или «инверсивной» чего-то?

– Возможно, речь о каком-то эксперименте, – сказала Лира. – Мнемозина была исследовательской станцией, здесь могли проводиться опыты с инверсивными полями или что-то в этом роде.

– Или это просто чьё-то предупреждение об инверсии систем питания, – пожала плечами Элия. – В экстренных ситуациях такое случается.

– В любом случае, нам стоит быть внимательнее, – сказала командир. – Продолжаем движение.

Они дошли до контрольного пункта – просторного зала с множеством пультов и тёмных экранов. Элия и другие инженеры немедленно приступили к работе, пытаясь активировать резервные системы. Специалисты по безопасности заняли позиции у выходов из зала, а Лира и Виктор начали осматривать информационные терминалы.

– Похоже, это главный информационный узел внешнего сектора, – сказал Виктор, изучая маркировку на одной из консолей. – Если нам повезёт и удастся запустить системы, отсюда можно будет получить доступ к основным базам данных станции.

– Если они сохранились, – заметила Лира.

Внезапно свет замерцал, и несколько экранов засветились тусклым синим светом.

– Есть контакт! – воскликнула Элия. – Резервные системы активированы. Питание на минимальном уровне, но достаточно для базового функционирования.

Командир кивнула:

– Хорошая работа. Приоритетные задачи: инженерам – проверить состояние критических систем станции, убедиться, что нет риска взрыва или разгерметизации. Архивариусам – получить доступ к информационным системам и определить, какие данные могут быть извлечены. Остальным – обеспечивать безопасность и помогать по необходимости.

Лира активировала ближайший к ней терминал. Экран мигнул и показал логотип станции – стилизованное изображение греческой богини памяти Мнемозины, держащей в руках свиток. Под логотипом появился запрос авторизации.

– Стандартные коды доступа не работают, – сказал Виктор, пытаясь войти в систему с другого терминала. – Похоже, здесь использовалась особая система защиты.

Лира нахмурилась:

– Это странно. Обычно на исследовательских станциях устанавливали универсальные протоколы доступа для аварийных ситуаций.

Она переключилась на диагностический режим, пытаясь обойти систему безопасности, но экран внезапно выдал сообщение об ошибке и погас.

– Проклятье, – пробормотала она. – Что-то не так с этими терминалами.

– Попробуйте подключиться через инженерные системы, – предложила Элия, оторвавшись от своей консоли. – Они обычно имеют приоритетный доступ к большинству функций станции.

Лира кивнула и перешла к другому терминалу, явно предназначенному для инженерного персонала, судя по маркировке. Она запустила диагностический инструмент со своего планшета, и к её удивлению, терминал откликнулся, предоставив ограниченный доступ к системам.

– Получилось! – сказала она. – У меня есть доступ к навигационной схеме станции и некоторым служебным журналам.

Она быстро просмотрела схему, ища секторы, связанные с хранением данных.

– Вот оно, – наконец произнесла она. – Центральный информационный архив находится во внутреннем кольце станции, в секторе D-7. Это… – она сверилась с картой, – примерно в двадцати минутах ходьбы отсюда, если использовать внутренние переходы.

– Состояние того сектора? – спросила командир.

Лира проверила данные:

– Система показывает, что сектор герметичен и стабилен. Энергоснабжение на минимальном уровне, но достаточно для работы основных систем.

– Хорошо, – кивнула Сара. – Сформируем группу для исследования архива. Эльвари, Кейн, Вант – вы идёте со мной. Остальные продолжат работу здесь.

– Я бы рекомендовала взять ещё одного специалиста по безопасности, – сказал Доран Кейн. – Внутренние секторы могут быть менее стабильны.

– Согласна, – кивнула командир. – Рейс, ты с нами.

Марион Рейс, младшая из группы безопасности, кивнула и проверила своё оружие – стандартный станнер, используемый для защиты от автоматических систем безопасности, которые иногда активировались на древних станциях и воспринимали посетителей как угрозу.

Группа из пяти человек покинула контрольный пункт и направилась вглубь станции, следуя указаниям на схеме Лиры. Они миновали несколько коридоров и переходов, многие из которых были частично заблокированы обломками или разрушенным оборудованием. По пути им встретилось несколько лабораторий – пустых, с покрытыми пылью инструментами и оборудованием.

– Странно, – заметила Элия, осматривая одну из лабораторий. – Обычно станции такого типа эвакуировались организованно. Здесь же всё выглядит так, будто люди бежали в панике.

– Возможно, у них не было времени, – ответил Кейн. – Если Коллапс застал их внезапно…

– Или причина была в чём-то другом, – тихо сказала Лира, вспомнив надпись на стене.

Они продолжили путь и вскоре достигли массивной двери с надписью «Центральное архивное хранилище» и символикой ограниченного доступа.

– Это здесь, – сказала Лира. – Судя по маркировке, это был архив высшего уровня секретности.

Элия подошла к контрольной панели рядом с дверью:

– Система блокировки сложная, но мы можем попробовать подать напрямую энергетический импульс…

Не успела она закончить, как дверь внезапно засветилась по периметру мягким голубым светом, и на панели управления появилась голографическая проекция – схематичное изображение созвездия.

– Что это? – нахмурилась командир.

Лира шагнула вперёд, внимательно изучая проекцию:

– Это Кассиопея, – сказала она. – Символ Навигаторов.

Она посмотрела на панель, где под проекцией мигал запрос: «ВВЕДИТЕ КОД СОЗВЕЗДИЯ».

– Похоже, это не обычная система безопасности, – сказала Лира. – Это… что-то, предназначенное специально для Навигаторов. Словно кто-то хотел, чтобы доступ могли получить только люди с определённым типом знаний.

– Ты можешь взломать её? – спросила командир.

Лира задумалась, глядя на мерцающую проекцию:

– Я могу попробовать. «Кодом созвездия» может быть астрономическая позиция Кассиопеи относительно стандартной навигационной сетки… или последовательность звёзд… или…

Она внезапно замолчала, осенённая догадкой. Медленно подняла руку и коснулась металлических нитей, вплетённых в свои волосы. Они были расположены точно в форме Кассиопеи – в том порядке, в котором Навигаторы традиционно вплетали их, следуя древнему ритуалу.

– Или это может быть последовательность соединения звёзд, – сказала она и ввела комбинацию, соответствующую тому, как металлические нити соединялись в её собственной причёске.

Панель мигнула, и голубой свет сменился зелёным. С тихим шипением массивная дверь начала открываться.

– Как ты догадалась? – удивлённо спросил Кейн.

Лира покачала головой:

– Это не моя догадка. Это традиция Навигаторов, старая, как сам Флот. Мы вплетаем нити в определённом порядке, соответствующем древнему представлению о созвездии. Кто-то знал об этой традиции и использовал её как ключ.

Дверь полностью открылась, открывая просторный зал, заполненный рядами высоких цилиндрических капсул – квантовых хранилищ данных, используемых для долговременного сохранения информации.

– Невероятно, – прошептала Элия, входя в зал. – Большинство этих хранилищ выглядят нетронутыми.

Центр зала занимал круглый пульт управления, окружённый голографическими проекторами. Лира немедленно направилась к нему, активируя свой планшет для подключения к системе архива.

– Нужно убедиться, что здесь безопасно, прежде чем приступать к работе, – сказала командир. – Рейс, Кейн – проверьте периметр.

Пока специалисты по безопасности обходили зал, Лира и Элия занялись центральной консолью. К их удивлению, система активировалась почти мгновенно, как будто была готова к использованию.

– Странно, – пробормотала Элия. – Такое чувство, что кто-то недавно обслуживал эти системы. Они не должны быть в таком хорошем состоянии после трёх веков простоя.

Лира не ответила, полностью сосредоточившись на появившемся перед ней интерфейсе. Система архива была огромной, содержащей петабайты данных, организованных по десяткам различных категорий.

– Здесь столько информации, что мы не сможем скопировать всё даже на четверть хранилищ «Астролога», – сказала она. – Нужно определить приоритеты.

– Какие конкретно данные мы ищем? – спросила командир.

Лира пролистала категории:

– Технические спецификации, научные исследования, особенно касающиеся энергетики и ресурсосбережения, медицинские данные… Всё, что может помочь Флоту.

Она продолжала просматривать каталог, когда её внимание привлекла странная категория, отмеченная особым символом – восьмёркой, лежащей на боку, символом бесконечности, с вписанной в неё звездой.

– Что это? – пробормотала она и выбрала категорию.

Система запросила дополнительную авторизацию. На экране появилось изображение не одного, а пяти созвездий, расположенных в определённой последовательности.

– Ещё одна защита, – сказала Элия. – Похоже, что бы ни хранилось в этой категории, оно было особенно важным или секретным.

Лира изучала созвездия, пытаясь понять логику их расположения. Это не были обычные навигационные ориентиры. Скорее, они образовывали какой-то паттерн, последовательность, которую нужно было правильно интерпретировать.

– Мне нужно время, чтобы разобраться с этим, – сказала она. – Но сначала давайте соберём данные из открытых категорий. Элия, ты можешь подключить наши накопители к системе архива?

Инженер кивнула и достала из рюкзака компактные квантовые накопители, которые команда привезла с «Астролога». Пока она занималась подключением, Лира продолжала исследовать архив, пытаясь понять, что именно исследовали на станции Мнемозина и почему эти данные были так тщательно защищены.

– Командир, – позвал Кейн, завершивший обход периметра. – Вы должны это увидеть.

Сара подошла к нему, и Лира, заинтригованная, последовала за ними. Они остановились у дальней стены архива, где находилась ещё одна дверь, меньшего размера, с маркировкой «Специальное хранилище Х-7».

– Что за Х-7? – спросила командир.

Лира проверила данные на своём планшете:

– В общей схеме станции этого помещения нет. Оно должно быть секретным даже для большинства персонала станции.

– Дверь заблокирована, – сказал Кейн. – И это не обычный замок. Посмотрите на эти символы.

На двери были выгравированы странные знаки, напоминающие одновременно древние астрономические символы и математические формулы.

– Это похоже на описание пространственно-временных координат, – сказала Лира, внимательно изучая гравировку. – Но в какой-то нестандартной нотации.

– Можешь расшифровать? – спросила командир.

– Не уверена. Мне нужно больше информации о том, какие исследования проводились здесь.

– Сначала завершим основную задачу, – решила Сара. – Копируем доступные данные, затем попытаемся разобраться с этой дверью.

Они вернулись к центральной консоли, где Элия уже начала процесс копирования.

– Это займёт около часа, – сказала она. – Данных много, и некоторые из них сильно фрагментированы.

– В таком случае, я попробую выяснить больше о станции из доступных журналов, – сказала Лира, возвращаясь к изучению архива.

Она нашла раздел с административными записями и погрузилась в чтение. История станции Мнемозина оказалась куда более интересной, чем она предполагала изначально.

Станция была построена за тридцать лет до Великого Коллапса как совместный проект нескольких крупных исследовательских организаций. Официально она предназначалась для разработки передовых методов долговременного хранения данных в экстремальных условиях. Однако в некоторых записях мелькали упоминания о «Проекте Инверсия» – секретной инициативе, связанной с исследованиями «темпоральных аномалий» и «обратной энтропии».

– Инверсия… – прошептала Лира, вспомнив надпись на стене. – Они изучали что-то связанное с обращением времени?

Она продолжила поиск и обнаружила последнюю запись в административном журнале, датированную за неделю до предполагаемой даты Коллапса:

«Эксперимент Х-7 превзошёл все ожидания. Подтверждена возможность локальной инверсии темпоральных процессов в изолированной системе. Д-р Шэнь настаивает на немедленной передаче данных в центральный архив, но я считаю это преждевременным. Потенциальные последствия технологии слишком серьёзны. Необходимо дополнительное тестирование в условиях повышенной изоляции. Перенос образцов и ключевых данных в специальное хранилище Х-7 завершён. Доступ ограничен до получения окончательных результатов. – Директор Нильсен»

Лира перечитала запись несколько раз, пытаясь осмыслить её значение. «Локальная инверсия темпоральных процессов» – звучало как научная фантастика, но если это было реальностью…

– Командир, я нашла что-то важное, – позвала она Сару. – Похоже, на этой станции проводились эксперименты с обращением времени.

– Обращением времени? – Сара нахмурилась. – Это невозможно.

– По крайней мере, они считали, что добились успеха, – сказала Лира, показывая запись. – И все ключевые данные находятся за той дверью, в хранилище Х-7.

Командир внимательно прочитала запись:

– Это может объяснить степень секретности и необычную систему защиты. Если они действительно нашли способ манипулировать временем…

Она не закончила фразу, но всем было понятно продолжение. Технология такого уровня могла бы изменить судьбу не только Флота, но и всего человечества.

– Мы должны получить доступ к этому хранилищу, – решительно сказала Сара. – Эльвари, продолжай поиск информации о проекте Х-7. Возможно, в архиве есть ключи к этой двери. Вант, как продвигается копирование?

– Тридцать процентов завершено, – ответила Элия. – Но я могу перераспределить приоритеты, чтобы сначала скопировать данные, связанные с этим проектом, если мы их найдём.

– Сделай это, – кивнула командир. – Кейн, Рейс – усильте наблюдение за периметром. Если на станции проводились такие серьёзные эксперименты, здесь могут быть и другие сюрпризы.

Лира вернулась к консоли и продолжила поиск, теперь уже целенаправленно ища любые упоминания о проекте Х-7 или временных экспериментах. Большинство файлов было зашифровано или требовало специального доступа, но ей удалось найти несколько технических отчётов, которые дали общее представление о проводимых исследованиях.

Судя по этим отчётам, учёные станции Мнемозина обнаружили особый класс субатомных частиц, которые при определённых условиях демонстрировали поведение, противоречащее стандартным законам термодинамики. В изолированных системах, насыщенных этими частицами, энтропия не возрастала, а уменьшалась – процессы шли в обратном направлении, словно время текло вспять.

– Это невероятно, – прошептала Лира, просматривая данные. – Если это правда, то…

– Что? – спросила Элия, подойдя к ней. – Ты что-то нашла?

– Возможно, объяснение Коллапса, – тихо ответила Лира. – Смотри.

Она показала на отрывок из отчёта:

«Предварительные расчёты показывают, что при достижении критической массы инверсивных частиц в открытой системе возможно спонтанное распространение эффекта на окружающее пространство-время. Теоретически, это может привести к каскадной реакции темпоральной инверсии в масштабах, значительно превышающих экспериментальную установку. Необходимо разработать надёжные методы изоляции перед переходом к следующей фазе экспериментов».

– Ты думаешь… – начала Элия, но не смогла закончить.

– Что эксперимент вышел из-под контроля? Что каскадная реакция произошла и привела к Коллапсу? – Лира покачала головой. – Я не знаю. Но это был бы ужасно ироничный конец для человеческой цивилизации – уничтоженной собственным экспериментом со временем.

Элия выглядела потрясённой:

– Но если эта технология существовала… и если данные сохранились в этом хранилище Х-7…

– То теоретически можно было бы обратить последствия, – закончила за неё Лира. – Вернуться назад во времени, до Коллапса.

Они посмотрели друг на друга, осознавая потенциальное значение своего открытия. Если данные в хранилище Х-7 содержали ключ к технологии манипуляции временем, это могло полностью изменить будущее Флота и всего человечества.

– Нужно сообщить командиру, – сказала Элия.

Но прежде чем они успели что-либо предпринять, в зале раздался сигнал тревоги – пронзительный звук, эхом разносящийся по пустому пространству.

– Внимание всем группам! – раздался по коммуникатору голос командира основной экспедиции, оставшейся в контрольном пункте. – Зафиксирована нестабильность структурной целостности станции. Возможна разгерметизация отдельных секторов. Всем группам немедленно вернуться на челноки!

Сара мгновенно отреагировала:

– Вант, статус копирования?

– Сорок пять процентов, – ответила Элия. – Мне нужно ещё хотя бы десять минут, чтобы скопировать критически важные данные!

– У тебя пять, – отрезала командир. – Кейн, Рейс – готовьте оборудование к эвакуации. Эльвари – продолжай поиск ключа к хранилищу Х-7, но быстро!

Лира вернулась к консоли, лихорадочно просматривая файлы. Время истекало, и она понимала, что у неё мало шансов найти решение. Но интуиция подсказывала ей, что за той дверью находится что-то критически важное для будущего Флота.

Внезапно её внимание привлёк файл, озаглавленный просто «Навигатор». Открыв его, она увидела серию астрономических координат и странную последовательность символов, напоминающую ту, что была на двери хранилища.

– Вот оно! – воскликнула она. – Это навигационный код, но не обычный. Это описание точки в пространстве-времени!

Она скопировала данные на свой планшет и бросилась к двери хранилища Х-7. За ней последовала Сара.

– Сможешь открыть? – спросила командир.

– Не уверена, – ответила Лира, изучая символы на двери и сравнивая их с кодом в файле. – Здесь используется какая-то нестандартная система координат. Мне нужно время, чтобы расшифровать…

– Которого у нас нет, – прервала её Сара. – Вант, статус?

– Почти готово! – крикнула Элия. – Ещё две минуты!

Станция содрогнулась, и с потолка посыпалась пыль.

– Нестабильность увеличивается, – доложил Кейн. – Мы должны уходить немедленно.

Лира в отчаянии смотрела на дверь хранилища. Так близко к чему-то, что могло изменить судьбу человечества… и так безнадёжно далеко.

– Эльвари, мы уходим, – твёрдо сказала Сара. – Копируй этот код и всё, что удалось найти. Мы вернёмся с лучшим оборудованием и большим запасом времени.

Лира кивнула, понимая, что командир права. Она сделала несколько снимков двери, записала все видимые символы и скопировала все найденные данные о проекте Х-7.

– Готово! – объявила Элия, отсоединяя накопители.

– Эвакуация! – скомандовала Сара. – Быстро и организованно, по тому же маршруту, которым пришли!

Группа покинула архивное хранилище, унося с собой бесценные данные и ещё более ценную загадку – тайну хранилища Х-7 и возможный ключ к изменению судьбы всего человечества.

Глава 3: Запретный архив

Возвращение на «Астролог» прошло в напряженном молчании. Члены экспедиции, измотанные и погруженные в свои мысли, избегали разговоров о том, что они обнаружили на станции Мнемозина. Только после посадки, когда необходимые процедуры дезинфекции и медицинские проверки были завершены, Лира смогла наконец остаться наедине с данными, которые им удалось скопировать.

Архивная лаборатория корабля была тихим убежищем, где Лира часто проводила долгие часы, работая с древними навигационными картами и историческими записями. Сейчас она

сидела перед голографическим дисплеем, просматривая файлы со станции Мнемозина. Часть данных была повреждена или зашифрована, но даже то, что удалось восстановить, рисовало захватывающую картину.

Проект «Инверсия» был гораздо масштабнее, чем она изначально предполагала. Это не просто серия экспериментов с необычными частицами – это была целенаправленная попытка разработать технологию управления течением времени. Ученые Мнемозины верили, что нашли способ создавать локальные области инверсии, где время текло бы в обратном направлении.

– Безумие, – пробормотала Лира, читая описание одного из экспериментов, где простая органическая материя под воздействием «инверсивного поля» возвращалась к более ранним стадиям развития.

Она прокручивала записи дальше, когда дверь лаборатории открылась, и вошла Элия Вант. Инженер выглядела уставшей, но её глаза горели тем особым блеском, который появляется у людей, стоящих на пороге великого открытия.

– Как продвигается? – спросила Элия, присаживаясь рядом.

– Медленно, – ответила Лира. – Большинство ключевых данных зашифровано или хранилось в том закрытом архиве X-7. Но даже то, что у нас есть… это потрясающе, Элия. Если хотя бы десятая часть этого правда, мы нашли нечто революционное.

– Я провела анализ тех фрагментов научных отчетов, которые мне удалось расшифровать, – сказала Элия. – С технической точки зрения, их теория не противоречит фундаментальным законам физики, хотя и требует… нестандартного подхода к интерпретации квантовых процессов.

Лира кивнула:

– Я больше заинтригована этим навигационным кодом. Смотри…

Она вывела на экран последовательность символов, которую скопировала из файла «Навигатор».

– Это не просто координаты в пространстве. Это описание точки в пространстве-времени с дополнительными параметрами, которые, кажется, указывают на какие-то особые свойства этой локации.

– Ты можешь расшифровать их?

– Частично, – Лира увеличила фрагмент кода. – Вот эта часть похожа на стандартные астрометрические координаты, используемые в поздний докризисный период. Они указывают на систему… где-то на краю исследованного космоса, примерно в трех месяцах пути отсюда при стандартной скорости Флота.

– А эти символы? – Элия указала на странную последовательность значков, напоминающих математические формулы, смешанные с астрономическими символами.

– Вот с этим сложнее, – признала Лира. – Но я думаю, это описание темпоральных характеристик. Смотри, этот символ обозначает реверсивный поток – в навигации его иногда используют для описания аномальных гравитационных течений. А здесь… мне кажется, речь идет о постоянной инверсии.

– Постоянной инверсии? – Элия нахмурилась. – Ты хочешь сказать, что этот код указывает на место, где время постоянно течет в обратном направлении?

– Звучит безумно, не так ли? – Лира слабо улыбнулась. – Но что если исследователи Мнемозины не просто экспериментировали с технологией обращения времени? Что если они обнаружили естественную темпоральную аномалию, место во вселенной, где законы времени работают иначе?

Элия задумчиво потерла подбородок:

– Естественный темпоральный реверс… Гипотетически такое возможно в областях с экстремально высокой гравитацией или другими экзотическими свойствами. Но стабильная зона инверсии… Это перевернуло бы все наши представления о физике.

– И могло бы объяснить, почему данные были так тщательно защищены, – добавила Лира. – Представь, что случилось бы, если бы такая информация попала не в те руки.

Они замолчали, каждая погруженная в свои мысли. Перспектива существования места, где время течет в обратном направлении, открывала головокружительные возможности. Для Флота, существующего в постоянном режиме истощения ресурсов и медленного угасания, это могло означать шанс на возрождение.

– Мы должны продолжить исследования, – наконец сказала Лира. – Раскрыть полный смысл этого кода, определить точное местоположение этой системы…

– И что потом? – тихо спросила Элия. – Если мы действительно найдем эту аномалию, что мы будем делать с ней?

Прежде чем Лира успела ответить, дверь лаборатории снова открылась. На пороге стоял Корвин Рейс – высокий, с аскетичным лицом, покрытым ритуальными шрамами, и полностью выбритой головой, на которой виднелась сложная татуировка космической карты. Его темные глаза смотрели с плохо скрываемым подозрением.

– Архивариус Эльвари, – произнес он, не удостоив Элию даже взглядом. – Совет Памяти требует вашего присутствия. Немедленно.

Лира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Корвин Рейс, бывший член Совета Капитанов, а ныне лидер религиозной фракции «Хранители Потока», не славился дружелюбием к тем, кто слишком глубоко копался в прошлом или слишком далеко заглядывал в будущее. Для него и его последователей естественный ход времени был священным, а любые попытки манипулировать им считались кощунством.

– Чем я обязана такому вниманию? – спросила Лира, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

– Данные, которые вы привезли со станции, – ответил Корвин. – Совет выражает обеспокоенность… характером этой информации.

Лира и Элия обменялись быстрыми взглядами. Как Совет Памяти уже узнал о содержимом их находки? Они еще не предоставили официальный отчет.

– Я прибуду, как только завершу первичный анализ, – сказала Лира.

– Нет, – отрезал Корвин. – Совет ждет. Сейчас.

– Послушайте, Рейс, – вмешалась Элия, – мы находимся посреди критически важного исследования. Данные нестабильны и могут быть потеряны, если…

– Я не говорил с вами, инженер Вант, – холодно прервал ее Корвин. – Это дело Совета Памяти и архивариусов. Технические специалисты получат доступ к информации, если и когда Совет посчитает это необходимым.

Лира поднялась, чувствуя, как в ней закипает гнев:

– При всем уважении, Рейс, эти данные были получены совместными усилиями экспедиционной группы. Инженер Вант имеет полное право участвовать в их анализе.

Корвин смотрел на нее несколько секунд, затем его губы искривились в холодной улыбке:

– Ты слишком много времени проводишь в прошлом, Эльвари. Забываешь протоколы настоящего. Любая информация, касающаяся фундаментальных аспектов нашего существования, должна быть рассмотрена Советом прежде, чем стать доступной для широкого изучения. Таков закон Флота.

– Закон, который ты интерпретируешь по-своему, – парировала Лира.

– Достаточно, – Корвин сделал шаг вперед, и его фигура, казалось, заполнила собой всю лабораторию. – Совет ждет. Если ты откажешься следовать за мной добровольно, мне придется воспользоваться другими методами.

За его спиной Лира заметила двух членов службы безопасности – несомненно, сторонников «Хранителей Потока».

– Хорошо, – она медленно кивнула и повернулась к Элии. – Продолжай анализ. Я вернусь, как только смогу.

Элия беспокойно кивнула, в ее глазах читалась тревога.

Лира собрала свой планшет, сохранив на нем копию навигационного кода, и последовала за Корвином. Они молча шли по коридорам «Астролога», сопровождаемые двумя охранниками. Корабельные часы показывали поздний вечер по стандартному времени Флота, и большинство коридоров было пустынно.

– Что именно беспокоит Совет в данных со станции Мнемозина? – спросила Лира, нарушая тягостное молчание.

– Ты прекрасно знаешь, что, – тихо ответил Корвин. – Вы нашли что-то, что не должно было быть найдено.

– Как Совет уже знает о содержимом данных? – продолжила она. – Мы еще не предоставили отчет.

– У Совета есть свои источники информации.

– Ты имеешь в виду шпионов?

Корвин остановился и повернулся к ней. Его темные глаза смотрели с такой интенсивностью, что Лира невольно сделала шаг назад.

– Называй их как хочешь. Важно то, что мы знаем: вы обнаружили данные об инверсии времени. О месте, где естественный поток времени нарушен. Это… опасное знание, Эльвари.

– Опасное? Или просто противоречащее учению «Хранителей Потока»? – возразила Лира. – Это научное открытие, Корвин, а не религиозный текст.

– А что есть наука, как не попытка понять законы, установленные самой вселенной? – парировал он. – Поток времени – фундаментальный закон существования. Он течет в одном направлении, от прошлого к будущему. Это… естественно. А то, что нарушает естественный порядок вещей, опасно по самой своей сути.

– Кто ты такой, чтобы решать, что естественно, а что нет? – Лира почувствовала, как ее голос дрожит от возмущения. – Вселенная полна аномалий и исключений из правил. Черные дыры, квантовая запутанность, гравитационные линзы – всё это когда-то считалось невозможным, пока наука не доказала обратное.

Корвин лишь покачал головой с видом человека, терпеливо объясняющего очевидное ребенку:

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Лира. Нарушение временного потока – это не просто научный курьез. Это путь к еще большей катастрофе, чем Коллапс. К полному разрушению реальности, как мы ее знаем.

Он снова двинулся вперед, и Лире ничего не оставалось, как последовать за ним.

Они прибыли в секцию корабля, занятую Советом Памяти – группой старейшин, ответственных за сохранение исторических знаний о Земле и погибших колониях. Круглый зал Совета был освещен приглушенным голубоватым светом, исходящим от древних голографических проекторов, установленных по периметру. В центре зала располагался круглый стол, за которым сидели пять членов Совета – пожилые мужчины и женщины в традиционных темно-синих одеждах Хранителей Памяти.

Старейшина Маркус, председатель Совета, кивнул Лире:

– Архивариус Эльвари, благодарю за то, что пришли.

Лира склонила голову в формальном приветствии:

– Я всегда отвечаю на призыв Совета, старейшина. Хотя должна признаться, меня удивляет спешность этого вызова.

– Время – важный фактор, – ответил Маркус, и Лира заметила, как при этих словах Корвин слегка наклонил голову, словно в знак согласия с каким-то скрытым смыслом. – Особенно когда речь идет о таких… необычных открытиях.

– Вы говорите о данных со станции Мнемозина, – сказала Лира, решив не тратить время на уклончивые формулировки.

– Именно, – кивнул Маркус. – Нам стало известно, что вы обнаружили информацию, потенциально связанную с темпоральными аномалиями. Это правда?

Лира на мгновение задумалась. Лгать Совету было бессмысленно – они уже знали о характере находки. Но раскрывать все детали, особенно о навигационном коде, она не собиралась.

– Мы обнаружили научные записи о проекте под названием «Инверсия», – осторожно начала она. – Судя по этим данным, ученые станции Мнемозина изучали необычные квантовые частицы, которые при определенных условиях демонстрировали свойства, противоречащие стандартной энтропии – грубо говоря, процессы шли в обратном направлении.

– Как будто время текло вспять, – тихо произнесла старейшина Елена, единственная женщина в Совете.

– В очень узком, контролируемом смысле – да, – подтвердила Лира. – Но эти эксперименты проводились в микромасштабе, с отдельными частицами или очень маленькими системами.

– И это всё? – спросил Маркус, внимательно наблюдая за ней. – Никаких упоминаний о применении этих открытий в более крупном масштабе?

Лира почувствовала, как ее сердце забилось быстрее. Они спрашивали именно о том, о чем она надеялась умолчать.

– Данные фрагментарны, – уклончиво ответила она. – Многие файлы повреждены или зашифрованы. Мне нужно время, чтобы провести полный анализ.

– Время, – повторил Корвин, стоявший у стены зала. – Всегда возвращаемся к нему, не так ли?

Маркус сделал успокаивающий жест в его сторону, затем снова обратился к Лире:

– Архивариус Эльвари, Совет Памяти принял решение классифицировать все данные, связанные с проектом «Инверсия» как материалы высшей категории секретности. Доступ к ним будет ограничен только членами Совета и специально назначенными исследователями.

– Но это критически важная научная информация! – возразила Лира. – Она может содержать технологии, способные помочь Флоту!

– Или уничтожить его, – парировал старейшина Джеронимо, худощавый мужчина с глубокими морщинами на темном лице. – История учит нас осторожности, архивариус. Особенно когда речь идет о технологиях, которые могли способствовать Коллапсу.

– Мы не знаем наверняка, связаны ли эти эксперименты с Коллапсом, – сказала Лира.

– Совпадение времени весьма красноречиво, – заметил Маркус. – Станция проводила эти исследования непосредственно перед катастрофой. Последние записи датируются всего за неделю до предполагаемой даты Коллапса. Это заставляет задуматься о возможной причинно-следственной связи.

Лира покачала головой:

– Или это могло быть решением проблемы, которое они не успели применить из-за Коллапса. Представьте, если бы они нашли способ обратить вспять разрушительные процессы…

– Довольно, – прервал ее Корвин, шагнув вперед. – Вот оно – опасное заблуждение. Желание управлять временем, играть с фундаментальными законами вселенной. Именно такие амбиции и привели человечество к падению.

– Это твоя интерпретация, Рейс, – возразила Лира. – Не факт.

– Совет принял решение, – твердо сказал Маркус, положив ладони на стол. – Все материалы проекта «Инверсия» должны быть переданы в закрытое хранилище Совета. Вы, архивариус Эльвари, предоставите полную копию всех данных, полученных со станции Мнемозина, и удалите все локальные копии.

Лира почувствовала, как гнев поднимается в ней волной:

– А если я откажусь?

– Это будет рассматриваться как нарушение ваших обязанностей архивариуса и прямое неподчинение Совету, – спокойно ответил Маркус. – Последствия будут… неприятными.

– Вы угрожаете мне?

– Мы напоминаем вам о вашем долге, – вмешалась Елена более мягким тоном. – Лира, мы понимаем ваше стремление к знаниям. Но иногда мудрость заключается в том, чтобы признать, что не все знания должны быть доступны всем и сразу. Некоторые открытия требуют осторожного изучения, прежде чем они могут быть безопасно интегрированы в наше общество.

Лира смотрела на старейшину, пытаясь определить, искренна ли она или просто пытается манипулировать. Елена всегда была наиболее прогрессивным членом Совета, часто выступавшим за более открытый подход к историческим знаниям. Но сейчас она, казалось, полностью поддерживала решение об изоляции данных.

– Я прошу хотя бы разрешения завершить начатый анализ, – сказала Лира. – Многие файлы еще не расшифрованы, и только я знаю методологию, которую мы начали применять.

Старейшины обменялись взглядами.

– Мы можем предоставить вам три дня, – наконец сказал Маркус. – По истечении этого срока все данные должны быть переданы Совету. Вы будете работать под наблюдением назначенного Советом представителя, который обеспечит соответствие ваших действий протоколу безопасности.

– Наблюдателем буду я, – сказал Корвин, и его губы изогнулись в подобии улыбки.

Лира подавила желание возразить. Три дня под наблюдением Корвина – это не идеально, но лучше, чем ничего. За это время она могла бы завершить расшифровку навигационного кода и, возможно, найти способ сохранить копию критически важных данных.

– Я согласна на эти условия, – сказала она. – Но я хотела бы продолжить работу с инженером Вант. Ее технические знания необходимы для анализа многих аспектов исследования.

– Отклонено, – немедленно ответил Корвин. – Инженер Вант не имеет необходимого уровня доступа к материалам такой секретности.

– Тогда предоставьте его, – Лира посмотрела прямо на Маркуса. – Если вы действительно заинтересованы в полном и правильном анализе данных, а не просто в их изоляции, вам нужны лучшие специалисты. Элия Вант – один из наиболее квалифицированных инженеров Флота, специализирующаяся именно на древних технологиях.

Маркус задумался, затем медленно кивнул:

– Инженер Вант получит временный доступ, но только в вашем присутствии и под тем же наблюдением.

Корвин явно хотел возразить, но сдержался, лишь сильнее сжав челюсти.

– Благодарю, старейшина, – Лира склонила голову в знак уважения. – Мы начнем работу немедленно.

– Завтра, – поправил ее Маркус. – Сейчас уже поздно по корабельному времени. Отдохните, и с утра приступите к анализу со свежими силами. Представитель Рейс будет ждать вас в вашей лаборатории в начале первой смены.

Лира кивнула, понимая, что дальнейшие возражения только вызовут подозрения:

– Как скажете, старейшина.

– Вы свободны, архивариус Эльвари, – заключил Маркус. – И помните – эти данные не должны обсуждаться ни с кем, кроме инженера Вант и членов Совета.

– Я понимаю, – Лира поклонилась и направилась к выходу.

Корвин двинулся следом за ней:

– Я провожу тебя до каюты, Эльвари. Убедиться, что ты не… заблудишься по пути.

Его намерение было очевидным – он хотел убедиться, что она не вернется в лабораторию этой ночью. Лира кивнула, не видя смысла в споре. У нее были другие планы, и для их реализации ей не нужно было возвращаться в лабораторию.

Они молча шли по коридорам «Астролога». Когда они достигли жилой секции и подошли к каюте Лиры, Корвин внезапно заговорил:

– Знаешь, я не всегда был таким, как сейчас. Когда-то я тоже был одержим знаниями и открытиями. Верил, что наука спасет человечество.

Лира удивленно посмотрела на него. Корвин редко говорил о своем прошлом.

– Что изменилось?

– Я увидел цену, – тихо ответил он. – Цену, которую мы платим за вмешательство в вещи, которые не должны быть потревожены. Десять лет назад, на станции Гелиос-9. Мы нашли хранилище данных, похожее на то, что вы обнаружили на Мнемозине. Технологии, обещавшие преобразовать энергию пустоты в практически неисчерпаемый источник. Мы активировали прототип. Знаешь, что произошло?

Лира покачала головой.

– Гелиос-9 перестал существовать. Вместе с кораблем «Гермес» и всеми его шестью сотнями членов экипажа. Я был среди немногих выживших, – Корвин поднял руку и провел пальцем по одному из шрамов на своем лице. – Каждый из них – напоминание о тех, кто погиб из-за нашей самонадеянности.

– Я… не знала, – тихо сказала Лира. В архивах значилось, что станция Гелиос-9 была разрушена из-за структурной нестабильности.

– Конечно, не знала. Совет решил скрыть правду, чтобы избежать паники, – Корвин пристально посмотрел ей в глаза. – Но я расскажу тебе это, Лира Эльвари, потому что вижу в тебе то же, что было когда-то во мне – бесстрашное стремление к знаниям, невзирая на последствия. И я хочу, чтобы ты понимала, как высока может быть цена.

Он отступил на шаг:

– Спокойной ночи, архивариус. Увидимся завтра.

Когда Корвин ушел, Лира некоторое время стояла у двери своей каюты, размышляя над его словами. Была ли его история правдой? И если да, то менял ли этот опыт что-либо в отношении данных с Мнемозины?

Она вошла в каюту и активировала свой персональный коммуникатор. Ей нужно было связаться с Элией и братом, пока у нее еще была такая возможность. Она не знала, насколько далеко зайдет Корвин в своем «наблюдении», и подозревала, что очень скоро любая коммуникация будет контролироваться.

Киран ответил почти мгновенно, его лицо появилось на небольшом экране коммуникатора:

– Лира! Я слышал, что вы нашли что-то интересное на Мнемозине. Весь корабль только об этом и говорит.

– Не всё, что говорят, правда, – осторожно ответила она. – Послушай, мне нужна твоя помощь. Можешь прийти ко мне в каюту? Прямо сейчас?

– Что-то случилось? – нахмурился Киран.

– Просто приходи. И будь осторожен – не привлекай внимания.

Закончив разговор, она связалась с Элией и передала аналогичную просьбу. Затем активировала защитное поле вокруг каюты – стандартная мера приватности, блокирующая большинство форм слежки.

Через пятнадцать минут в дверь тихо постучали. Киран и Элия пришли почти одновременно. Лира быстро впустила их и снова активировала защиту.

– Что происходит? – спросил Киран, глядя на обеспокоенное лицо сестры. – Ты в беде?

– Возможно, – Лира указала им на стулья. – То, что я скажу, не должно покинуть эту комнату. Это может быть опасно для всех нас.

Она кратко рассказала им о своей встрече с Советом Памяти, о решении изолировать данные из Мнемозины и о своих подозрениях относительно истинных мотивов Корвина.

– Он не просто хочет изучить эти данные, – сказала она. – Он хочет уничтожить их. Хранители Потока считают, что любые знания о манипуляции временем представляют собой угрозу для естественного порядка вещей.

– Но это безумие! – воскликнула Элия. – Если эти данные содержат технологии, способные помочь Флоту…

– Именно поэтому я вас позвала, – Лира понизила голос, хотя защитное поле должно было блокировать любую прослушку. – У меня есть копия навигационного кода. Я думаю, он указывает на систему, где существует естественная темпоральная аномалия – место, где время течет в обратном направлении.

Киран присвистнул:

– Звучит как научная фантастика.

– И тем не менее, исследователи Мнемозины, похоже, верили в это, – сказала Лира. – И они были не просто мечтателями. Это были серьезные ученые, работавшие с передовыми технологиями своего времени.

– Даже если это правда, – медленно произнес Киран, – что ты планируешь делать?

Лира глубоко вдохнула:

– Я хочу расшифровать полный навигационный код и точно определить координаты этой системы. А затем… я думаю, мы должны отправиться туда. Проверить своими глазами.

– Ты с ума сошла? – Киран покачал головой. – Ты говоришь о неавторизованной миссии в неизвестную систему, основываясь на данных, которые Совет уже классифицировал как секретные. Это не просто нарушение протокола – это мятеж!

– У нас нет другого выбора, – тихо сказала Лира. – Через три дня все данные будут переданы Совету, и я уверена, что большинство из них никогда не увидит свет. Корвин убедит остальных, что эта информация слишком опасна.

– А что, если он прав? – спросил Киран. – Что, если эти эксперименты с временем действительно привели к Коллапсу?

– Тогда нам нужно знать об этом наверняка, – ответила Лира. – Знать, а не гадать. Не строить религиозные культы вокруг страха перед неизвестным.

Киран и Элия обменялись взглядами.

– Допустим, мы согласимся помочь, – наконец сказала Элия. – Что конкретно ты предлагаешь?

Лира активировала свой планшет и показала им копию навигационного кода:

– Нам нужно полностью расшифровать эти координаты. Элия, тебе придется продолжить работу со мной в лаборатории, под наблюдением Корвина. Мы будем анализировать данные так, как требует Совет, но одновременно я попытаюсь извлечь всю возможную информацию о темпоральной аномалии.

Она повернулась к брату:

– Киран, мне нужно, чтобы ты выяснил, возможно ли организовать тайную миссию к этим координатам, когда мы их определим. Ты знаешь пилотов и разведчиков лучше, чем кто-либо. Кто из них мог бы согласиться на такой риск?

Киран задумался:

– Это будет непросто. После решения Совета Капитанов о сокращении радиуса поиска, любая несанкционированная дальняя миссия будет выглядеть крайне подозрительно. Но… у меня есть несколько идей. «Странник» – небольшой, быстрый корабль, способный на автономное путешествие. Если мы сможем найти повод для разведывательной миссии в том направлении…

– Работайте над этим, – кивнула Лира. – У нас очень мало времени. Корвин будет следить за каждым моим шагом, начиная с завтрашнего утра.

– А что если он обнаружит, что ты скопировала код? – спросила Элия.

– Тогда мне придется действовать еще быстрее, – ответила Лира. – Но я надеюсь, что он не заподозрит ничего, пока мы проводим официальный анализ.

Они говорили еще около часа, обсуждая детали своего плана. Это было рискованное предприятие, граничащее с предательством традиций Флота. Но Лира чувствовала, что у нее нет выбора. Информация о темпоральной аномалии могла содержать ключ к спасению человечества от медленного угасания. Если цена этого спасения – неподчинение устаревшим правилам и противостояние религиозному фанатизму, она была готова заплатить ее.

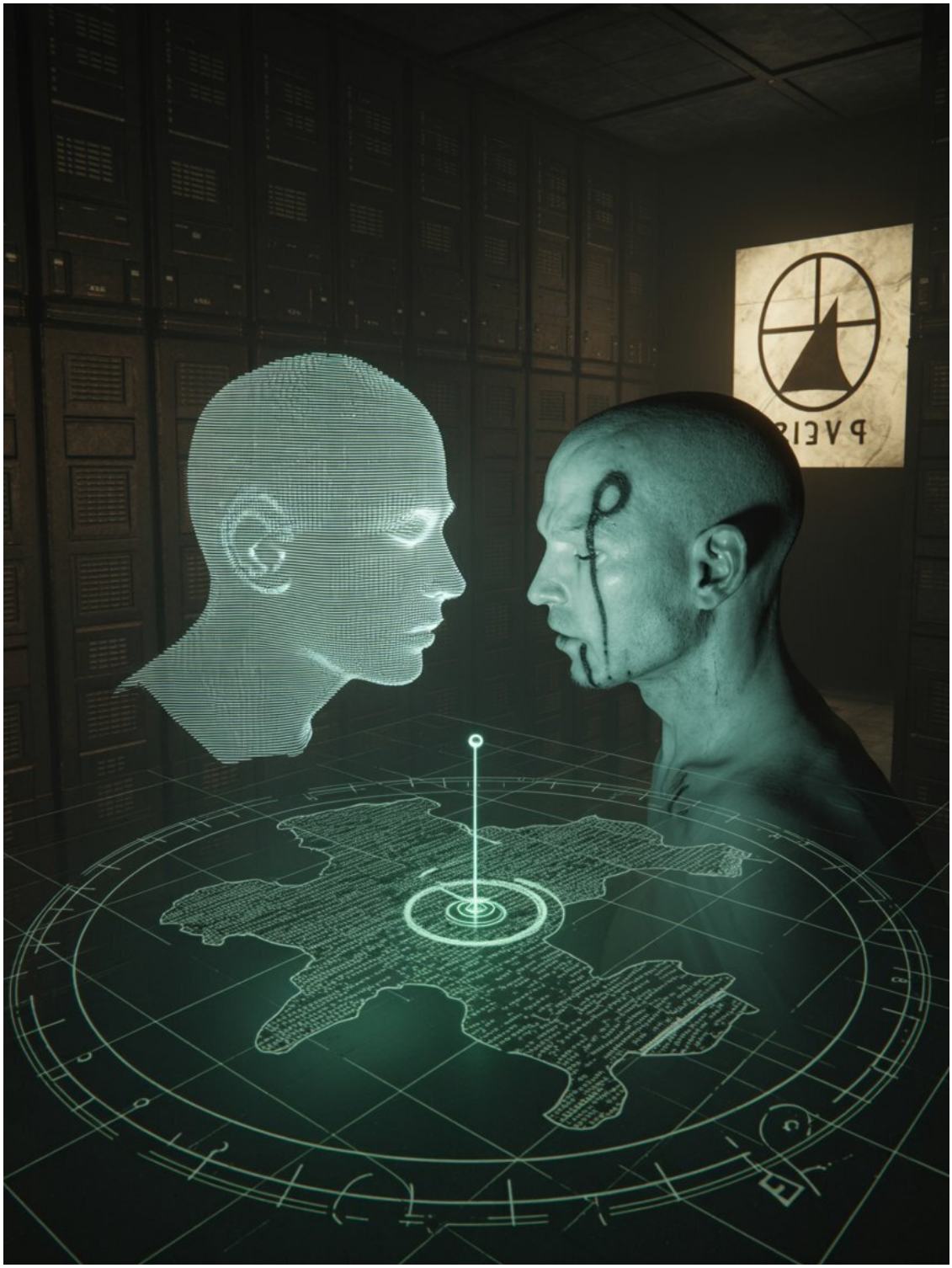
Когда Киран и Элия ушли, Лира долго сидела на своей койке, глядя на навигационный код на экране планшета. Странные символы, описывающие точку в космосе, где, возможно, сами законы времени действовали иначе. Место, которое могло стать их спасением – или окончательной гибелью.

«Что если Корвин прав? – пронеслась в ее голове мысль. – Что если некоторые знания действительно слишком опасны?»

Но она отбросила эти сомнения. Вся история человечества была историей стремления к знаниям, несмотря на риски. От первого человека, приручившего огонь, до последнего ученого, работавшего над межзвездными двигателями – все они рисковали, чтобы двигать цивилизацию вперед.

И сейчас, когда человечество было загнано в угол, медленно угасая среди звезд, риск был единственным шансом на выживание.

Она выключила планшет и легла, но сон долго не приходил. Перед глазами стояла таинственная дверь хранилища Х-7 на станции Мнемозина, и Лира не могла избавиться от ощущения, что за ней скрывался ответ на самый важный вопрос в истории человечества.

Глава 4: Шепот созвездий

Утро наступило слишком быстро. Лира проснулась от звука будильника, чувствуя, что почти не отдохнула. Всю ночь ей снились странные сны – обрывки голографических проекций, таинственные символы и тёмное хранилище со скрытыми секретами.

Она быстро оделась в форму архивариуса-навигатора, стараясь собраться с мыслями перед предстоящим днём. Корвин наверняка уже ждёт её в лаборатории, готовый следить за каждым её действием. Ей нужно было быть крайне осторожной, чтобы не выдать свои истинные намерения.

Когда Лира вышла из каюты, она не удивилась, обнаружив в коридоре ожидающего её охранника – молодого человека в форме службы безопасности с эмблемой «Хранителей Потока» на рукаве.

– Архивариус Эльвари, – он вежливо кивнул. – Представитель Рейс поручил мне сопроводить вас в лабораторию.

«Значит, начинается», – подумала Лира, но внешне лишь спокойно кивнула: – Конечно. Ведите.

Они молча шли по коридорам «Астролога». Корабль уже проснулся – повсюду сновали члены экипажа, занятые своими повседневными обязанностями. Многие кивали Лире в знак приветствия, некоторые бросали любопытные взгляды на её сопровождающего. Новости о находке на станции Мнемозина, очевидно, уже распространились по кораблю, порождая слухи и домыслы.

В лаборатории их ждали Корвин и Элия. Инженер выглядела напряжённой, но поприветствовала Лиру профессиональной улыбкой. Корвин стоял у главной консоли, изучая данные на экране.

– Доброе утро, архивариус, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты опоздала.

Лира проверила время: – На две минуты, Рейс. Я не думала, что Совет настолько строго регламентирует время начала работы.

Корвин наконец повернулся к ней, и в его тёмных глазах Лира уловила нечто, похожее на удовлетворение: – Я уже начал предварительный анализ данных. Весьма… интересное чтение.

– Не сомневаюсь, – Лира подошла к консоли, стараясь сохранять спокойствие. – Что именно привлекло твоё внимание?

– Теория темпоральной инверсии, – Корвин указал на экран, где отображался один из научных отчётов. – Предположение, что при определённых условиях энтропия может не только замедляться, но и обращаться вспять. Абсурдная идея, противоречащая фундаментальным законам вселенной.

– Многие великие открытия начинались как «абсурдные идеи», – заметила Лира. – Квантовая запутанность, нелокальность, релятивистские эффекты – всё это когда-то считалось невозможным.

– Есть разница между переосмыслением существующих законов и полным их отрицанием, – возразил Корвин. – Время движется в одном направлении. Это не просто физический закон – это моральный императив. Прошлое должно оставаться прошлым, а будущее – строиться на его уроках.

– Философская дискуссия не входит в мои обязанности, – отрезала Лира. – Я здесь, чтобы анализировать данные, не более того.

Корвин наблюдал за ней несколько секунд, затем кивнул: – Приступай. Я буду здесь, наблюдая за каждым твоим действием.

Лира заняла своё место за консолью, Элия устроилась рядом. Они начали систематический анализ данных, извлечённых со станции Мнемозина, стараясь работать так, будто не планировали ничего, кроме официального исследования.

– Я выделила основные категории данных, – сказала Элия, вызывая на экран структурированный индекс. – Теоретические разработки, лабораторные журналы, технические спецификации экспериментальной аппаратуры и… – она замолчала, глядя на последнюю категорию.

– И что? – спросил Корвин, немедленно насторожившись.

– Личные дневники, – закончила Элия. – Некоторые из учёных вели неофициальные записи о ходе экспериментов.

– Проверь их в первую очередь, – приказал Корвин.

Лира и Элия обменялись быстрыми взглядами. Личные дневники могли содержать более откровенную информацию, чем официальные отчёты, включая, возможно, и данные о темпоральной аномалии.

Они открыли первый дневник, принадлежавший доктору Алисе Ченг, квантовому физику, работавшему на станции Мнемозина.

«День 457 проекта «Инверсия». Сегодня произошло нечто, что я не могу объяснить в рамках стандартной физической модели. Образец №16 продемонстрировал устойчивую инверсию энтропии в течение 17 минут – рекорд для нашей лаборатории. Но это не самое удивительное. Когда мы увеличили поле до максимальной мощности, наши приборы зафиксировали странную гравитационную аномалию – словно образец на короткое время стал "тяжелее", чем должен быть. Директор Нильсен предположил, что мы наблюдаем некий эффект искривления пространства-времени, но Шэнь уверен, что это результат взаимодействия инвертированной материи с обычной средой. Нужны дополнительные тесты, но я не могу избавиться от ощущения, что мы стоим на пороге открытия чего-то фундаментального».

– Искривление пространства-времени, – пробормотал Корвин. – Они играли с силами, которые не понимали.

Лира проигнорировала его комментарий и перешла к следующей записи, датированной двумя неделями позже:

«День 471 проекта «Инверсия». Шэнь вернулся из своей секретной экспедиции с потрясающими новостями. Система, которую он обнаружил, демонстрирует все признаки естественной темпоральной аномалии – именно то, что мы безуспешно пытались воспроизвести в лаборатории последние два года. Если его данные корректны (а Шэнь никогда не ошибается в расчётах), там существует область пространства, где время течёт в обратном направлении естественным образом, без какого-либо искусственного вмешательства. Это меняет всё. Нам больше не нужно создавать инверсию – нам нужно лишь понять, как она работает в природе. Директор приказал подготовить полномасштабную экспедицию. Координаты хранятся в закрытом архиве под кодовым названием "Навигатор"».

Лира почувствовала, как её сердце забилось быстрее. Вот оно – подтверждение, что навигационный код действительно указывает на систему с естественной темпоральной аномалией.

– Эта «секретная экспедиция», – сказал Корвин, хмурясь. – Нет никаких официальных записей о ней в журналах станции.

– Возможно, она была засекречена, – предположила Лира. – Учитывая потенциальную важность открытия.

– Или это были лишь фантазии учёных, сходящих с ума от собственных теорий, – возразил Корвин. – Я видел такое раньше – когда люди настолько увлекаются идеей, что начинают видеть доказательства там, где их нет.

Они продолжили чтение дневника. Последующие записи содержали технические детали экспериментов, но мало что говорили о загадочной системе. Затем они наткнулись на последнюю запись, датированную за три дня до предполагаемой даты Коллапса:

«День 498 проекта «Инверсия». Экспедиция отложена. Шэнь в ярости. Из центрального командования пришёл приказ о немедленной консервации проекта. Они опасаются «непредсказуемых последствий» и «этических проблем». Как будто у нас есть время на этику, когда на кону стоит будущее всего человечества! Шэнь прав – если расчёты верны, вся наша цивилизация находится на грани катастрофы, и только темпоральная инверсия может быть решением. Я не знаю, что произойдёт дальше. Ходят слухи, что Шэнь планирует действовать вопреки приказу. Он убеждён, что система, которую он обнаружил – наш единственный шанс. Назвал её "Нексус Инверсии". Красивое название для последней надежды человечества».

– «На грани катастрофы», – медленно повторил Корвин. – Они знали, что произойдёт. Их эксперименты каким-то образом предсказали Коллапс.

– Или они получили информацию из другого источника, – сказала Лира. – И пытались найти способ предотвратить его.

– Используя технологию, которая, вероятно, и вызвала катастрофу! – воскликнул Корвин. – Разве ты не видишь иронии? Они создали оружие, которое уничтожило цивилизацию, пытаясь её спасти.

– Мы не знаем этого наверняка, – возразила Элия. – Здесь нет прямых доказательств, что эксперименты с инверсией времени привели к Коллапсу.

– А что ещё это могло быть? – Корвин указал на экран. – Совпадение слишком очевидно. Эти безумные учёные играли с самой тканью реальности, и вселенная ответила им.

Лира решила сменить тему, чтобы не вызывать дополнительных подозрений: – Давайте проверим технические спецификации их оборудования. Возможно, там мы найдём более конкретные данные о принципах работы с инверсивными частицами.

Они перешли к следующему разделу данных, содержащему подробные схемы и описания экспериментальных установок. Элия с энтузиазмом погрузилась в анализ, комментируя различные аспекты технологии:

– Это невероятно. Они использовали квантовые резонаторы такого типа, который мы считали теоретически невозможным. И посмотрите на эту систему стабилизации поля – она кажется почти… интуитивной. Как будто установка сама адаптировалась к изменениям в эксперименте.

– Адаптивная технология? – Лира наклонилась ближе. – Это было бы огромным прорывом даже по современным стандартам.

– И чрезвычайно опасным, – добавил Корвин. – Системы, способные к самоадаптации, имеют тенденцию развиваться в непредсказуемых направлениях.

Они продолжали изучать технические спецификации следующие два часа. Лира старательно анализировала данные, одновременно незаметно копируя наиболее важные фрагменты информации, которые могли бы помочь в расшифровке навигационного кода. Она делала это осторожно, маскируя свои действия под стандартные операции архивирования.

Корвин периодически отвлекался, отходя в другой конец лаборатории, чтобы ответить на вызовы от членов своей фракции или Совета Памяти. В эти моменты Лира и Элия обменивались короткими взглядами или быстрыми записками через свои планшеты, избегая открытых разговоров.

Во время очередного отсутствия Корвина Элия наклонилась ближе и прошептала: – Я думаю, что поняла принцип работы их резонатора. Если эти данные верны, они действительно могли создавать локальные поля инверсии.

– Ты веришь, что такое возможно? – так же тихо спросила Лира.

– С технической точки зрения… да. Их подход не нарушает фундаментальных законов физики, просто… переосмысливает их. Это как смотреть на уравнение с другой стороны.

Лира быстро проверила, не возвращается ли Корвин: – А навигационный код? Ты можешь помочь мне расшифровать координаты?

– Частично. Математическая часть в порядке, но некоторые символы…

Она замолчала, услышав шаги возвращающегося Корвина. Лира немедленно переключилась к анализу другого файла, притворяясь полностью поглощённой работой.

– Нашли что-то интересное? – спросил Корвин, подходя к их консоли.

– Технические детали экспериментальной установки, – ответила Лира. – Очень сложные. Сомневаюсь, что мы сможем воссоздать такую технологию даже с этими спецификациями.

– Это и к лучшему, – сказал Корвин. – Такие знания должны остаться в прошлом.

Время приближалось к середине дня, когда коммуникатор Лиры издал звуковой сигнал. На экране появилось сообщение от Кирана: «Срочно. Механический отсек В-7. Важная информация».

Лира нахмурилась – это было необычно. Киран знал об их ситуации и не стал бы посылать такое сообщение без крайней необходимости.

– Мне нужно отлучиться, – сказала она, поднимаясь. – Похоже, возникла проблема в архивном хранилище.

Корвин преградил ей путь: – Я должен сопровождать тебя.

– Это рутинная процедура, Рейс, – возразила Лира. – Вероятно, сбой в системе каталогизации. Я вернусь через полчаса.

– Совет был чёток в инструкциях, – Корвин оставался непреклонным. – Ни на минуту из поля зрения.

Лира сдержала раздражение: – Ты серьёзно думаешь, что я попытаюсь саботировать приказ Совета?

– Я думаю, что ты можешь сделать то, что считаешь правильным, невзирая на последствия. Это делает тебя опасной.

Элия вмешалась: – Я могу продолжить анализ, пока вы отсутствуете. Уверена, что всё можно решить быстро.

Корвин колебался, но затем кивнул: – Хорошо. Но я иду с тобой, Эльвари.

Они покинули лабораторию и направились в глубины корабля. Механический отсек B-7 находился в редко посещаемой части «Астролога», где хранилось устаревшее оборудование и запасные части. Идеальное место для секретной встречи.

Когда они прибыли, в отсеке царил полумрак – лишь аварийное освещение создавало тускло-красные островки света среди теней. Среди нагромождения деталей и механизмов ждал Киран, рядом с ним стояла молодая женщина, которую Лира не сразу узнала.

– Марита Рейс? – удивлённо произнесла она.

Дочь Корвина выступила из тени. В отличие от своего отца, у неё были длинные тёмные волосы и более мягкие черты лица, но те же пронзительные глаза. Увидев своего отца, она вздрогнула: – Я не знала, что он придёт с тобой.

– Что происходит? – требовательно спросил Корвин, переводя взгляд с дочери на Кирана. – Что это за собрание?

– Отец, послушай, – Марита сделала шаг вперёд. – Я должна была поговорить с архивариусом Эльвари. Это касается данных со станции Мнемозина.

– Ты не имеешь никакого отношения к этому делу, – отрезал Корвин. – Это секретная информация Совета Памяти.

– Информация, которую ты планируешь уничтожить, не так ли? – тихо сказала Марита. – Я видела приказы, которые ты готовил. Не просто изолировать данные, а стереть их полностью.

Корвин побледнел, затем его лицо исказилось от гнева: – Ты шпионила за мной?

– Я выполняла свой долг, – твёрдо ответила Марита. – Перед всеми нами, а не только перед Хранителями Потока. Отец, то, что ты делаешь – это не сохранение естественного порядка. Это страх. Страх перед изменениями, перед неизвестностью.

Лира внимательно наблюдала за обоими, ощущая растущее напряжение. Киран незаметно придвинулся ближе к ней, готовый вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля.

– Ты не понимаешь, о чём говоришь, – сказал Корвин, и в его голосе прозвучали нотки боли. – Ты слишком молода, чтобы помнить Гелиос-9. Слишком молода, чтобы понимать, на что способны эти технологии.

– Я знаю только то, что мы умираем, – Марита сделала ещё один шаг к отцу. – Весь Флот. Медленно, год за годом. Наши ресурсы истощаются. Станции, которые мы находим, всё более пусты. Как долго мы продержимся? Сто лет? Пятьдесят? А потом что?

– Лучше достойный конец, чем катастрофа, которую мы навлечём на себя, играя с самой тканью времени! – воскликнул Корвин.

– Кто ты такой, чтобы решать это за всех? – тихо спросила Лира. – За весь Флот? За будущие поколения?

Корвин повернулся к ней, его глаза сузились: – А кто ты такая, архивариус? Хранительница прошлого, возомнившая себя провидицей будущего?

– Я всего лишь хочу, чтобы у нас был выбор, – ответила Лира. – Чтобы мы знали все факты, все возможности, прежде чем смириться с медленным угасанием.

Марита протянула Лире небольшое устройство хранения данных: – Вот почему я хотела встретиться с тобой. Это копия закрытой части данных о проекте «Инверсия». Отец получил её напрямую от старейшины Маркуса. Там есть информация о «Нексусе Инверсии» – координаты, характеристики, всё, что не было в основном архиве станции.

Корвин рванулся вперёд: – Не смей!

Но Киран быстро оказался между ним и женщинами, блокируя путь: – Стой, Рейс. Никто не хочет насилия.

Лира взяла устройство, чувствуя, как сильно бьётся её сердце. В её руках были ключи к загадке – полная информация о месте, где время могло течь вспять.

– Ты предаёшь всё, чему я учил тебя, – сказал Корвин, глядя на дочь с горечью. – Всё, во что мы верим.

– Я верю в жизнь, отец, – тихо ответила Марита. – В будущее. Разве не этому ты меня учил? Что Поток должен продолжаться? Но как он будет продолжаться, если нас не станет?

Корвин смотрел на неё долгим взглядом, затем перевёл его на Лиру: – Ты не понимаешь, что делаешь. Все вы. Вы думаете, что нашли способ обмануть судьбу, но есть вещи, которые нельзя изменить без ужасных последствий.

– А есть те, которые нужно изменить любой ценой, – возразила Лира. – История человечества – это история изменений, Корвин. Адаптации. Эволюции. Без этого мы бы никогда не покинули Землю, не построили бы межзвёздную цивилизацию.

– И посмотри, где мы сейчас! – горько воскликнул он. – Беженцы среди звёзд, призраки великой цивилизации, которая уничтожила сама себя.

– Тем более у нас нет другого выбора, кроме как идти вперёд, – сказала Лира. – Найти новый путь.

Корвин покачал головой: – Ты хочешь знать, что скрывается за дверью хранилища Х-7? Какой секрет они так отчаянно защищали? – Он сделал паузу, его голос снизился до шёпота. – Смерть. Окончательная смерть вселенной. Их эксперименты показали, что широкомасштабная темпоральная инверсия не остановится на локальной области. Она будет распространяться, расти, как раковая опухоль, пожирая саму реальность. Вот от чего они пытались предостеречь, когда писали «ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ИНВЕРСИИ».

Лира вздрогнула, впервые ощутив сомнение. Что если он прав?

– Если это правда, – медленно произнесла она, – почему бы не показать нам эти доказательства? Почему уничтожать информацию, а не использовать её, чтобы предостеречь всех?

– Потому что сама идея слишком заманчива, – ответил Корвин. – Слишком соблазнительна для отчаявшихся. А мы все отчаялись, не так ли? Когда выбор между медленной смертью и рискованным шансом на спасение, многие выберут риск, каким бы безумным он ни был.

На несколько долгих секунд в отсеке воцарилась тишина. Затем сигнал коммуникатора нарушил её – Корвина вызывал старейшина Маркус.

Он ответил, не спуская глаз с Лиры и остальных: – Рейс слушает… Да, старейшина… Понял. Буду немедленно.

Закончив разговор, он повернулся к ним: – Совет созывает экстренное заседание. Твоё отсутствие в лаборатории заметили, Эльвари. И твоё тоже, Марита.

– Что ты будешь делать? – спросила Марита.

Корвин долго смотрел на дочь, потом на Лиру, держащую устройство хранения, и наконец на Кирана.

– У меня нет выбора, – наконец сказал он. – Я должен доложить о произошедшем. О предательстве.

– Отец…

– Но, – он поднял руку, прерывая Мариту, – у меня есть дела с Советом. Срочные дела, которые займут не менее часа. За это время… могло бы случиться многое.

Он посмотрел прямо в глаза Лире: – Что бы ты ни решила делать, Эльвари, помни: есть грань между смелостью и безрассудством. И когда ты её пересечёшь, пути назад не будет.

С этими словами он развернулся и быстро вышел из отсека, оставив их в оцепенении от неожиданного решения.

– Он дал нам время, – прошептала Марита. – Немного, но дал.

– Почему? – спросил Киран. – Это противоречит всему, что он отстаивает.

– Потому что при всём своём фанатизме, он всё ещё человек, – ответила Лира. – И отец. – Она повернулась к Марите: – Спасибо за риск, которому ты подвергла себя.

– Я делаю это не только для тебя, – сказала та. – Моё место в Хранителях Потока дало мне доступ к информации, которая недоступна большинству. Флот действительно умирает, Лира. Быстрее, чем многие думают. Последние подсчёты ресурсов, которые видел мой отец… Они показывают, что при текущем уровне потребления нам осталось не более тридцати лет. А с учётом уменьшающейся частоты находок ценных ресурсов – возможно, и того меньше.

Лира почувствовала холод, распространяющийся по телу. Тридцать лет. Время жизни одного поколения.

– Тогда мы должны действовать быстро, – сказала она, крепче сжимая устройство хранения. – Киран, как продвигается план с кораблём?

– «Странник» готов к полёту, – ответил он. – Я получил разрешение на короткую разведывательную миссию, якобы для поиска новых ресурсных баз в ближнем секторе. Это даёт нам неделю автономного полёта без вызова подозрений.

– Неделю… – Лира покачала головой. – Этого будет недостаточно, чтобы достичь координат Нексуса, если они действительно находятся на краю исследованного космоса.

– Если у нас есть точные координаты, мы можем использовать прыжковый двигатель, – сказал Киран. – «Странник» не рассчитан на множественные прыжки, но один или два выдержит.

– Рискованно, – заметила Лира.

– Не рискованнее, чем поиск места, где время течёт вспять, – пожал плечами Киран. – Элия на борту?

– Да, но есть проблема – она сейчас в лаборатории, и за ней наверняка наблюдают после нашего исчезновения.

– Я могу помочь, – предложила Марита. – У Хранителей есть доступ к системам безопасности. Я могу создать небольшое… отвлечение.

Лира кивнула: – Тогда действуем по плану. Киран, подготовь «Странник» к немедленному отбытию. Марита, помоги Элии выбраться из лаборатории. Я расшифрую данные на этом устройстве и встречу вас в доке через сорок минут.

– А Совет? – спросил Киран. – И твой надзиратель?

– Корвин дал нам час, – ответила Лира. – Мы должны использовать его с максимальной пользой.

Они разошлись, каждый выполнять свою часть плана. Лира нашла укромное место в редко используемой технической секции корабля и подключила устройство хранения к своему планшету.

Данные открылись перед ней, и она жадно вчитывалась в информацию. Отчёты, схемы, расчёты – всё, что касалось загадочного Нексуса Инверсии. Она быстро нашла то, что искала – полный навигационный код, расшифрованный и готовый к использованию.

Координаты указывали на систему в 2,7 световых годах от их текущего положения – действительно на краю исследованного космоса. Согласно данным, система содержала небольшую звезду класса K с несколькими планетами, одна из которых находилась в «зоне обращения» – области, где локальный пространственно-временной континуум претерпевал инверсию.

Но что заставило Лиру замереть, было примечание к координатам, написанное рукой доктора Шэня:

«Нексус Инверсии представляет собой уникальный феномен, возможно, единственный в своём роде во всей наблюдаемой вселенной. Внутри зоны обращения все процессы идут в обратном направлении – энтропия уменьшается, разрушение превращается в созидание, смерть сменяется жизнью. Наши предварительные исследования показывают, что человеческое сознание и память не подчиняются инверсии, позволяя наблюдателю сохранять свою идентичность при нахождении в зоне.

Но самое важное: математические модели предполагают, что Нексус – это не просто аномалия. Это… дверь. Портал в прошлое нашей собственной вселенной. Теоретически, продвигаясь достаточно глубоко в зону обращения, можно было бы достичь точки, где время инвертировано настолько сильно, что фактически возвращается к периоду до Коллапса.

Представьте возможности – не просто наблюдение прошлого, но физическое присутствие в нём. Способность изменить ход истории. Предотвратить катастрофу, уничтожившую нашу цивилизацию.

Однако существует критический риск, который нельзя игнорировать. Наши расчёты показывают, что попытка изменить прошлое может привести к нестабильности пространственно-временного континуума. В худшем случае – к полному коллапсу реальности, в которой мы существуем. Это дилемма, требующая наивысшей мудрости и осторожности.

Я предоставляю эти координаты будущим поколениям, надеясь, что они найдут решение, которое ускользает от нас сегодня. Путь к Нексусу открыт, но идти ли по нему – решение, которое каждый должен принять для себя сам».

Лира перечитала записку несколько раз, пытаясь осмыслить её значение. Портал в прошлое. Возможность изменить историю. Предотвратить Коллапс.

Но цена – потенциальное разрушение самой реальности.

Теперь она понимала страх Корвина. И его дилемму. Он не был просто фанатиком, цепляющимся за догмы. Он боялся катастрофы, которая могла оказаться даже хуже Коллапса.

Но был ли этот страх оправдан? Или это просто теоретические предположения учёных, работавших на пределе знаний своего времени? Возможно, с новым пониманием, новыми технологиями, риск можно было бы минимизировать?

Вопросы без ответов. Дилеммы без простых решений.

Лира скопировала навигационный код и другие критические данные, затем отсоединила устройство. Время истекало. Какими бы ни были риски, она должна была увидеть Нексус своими глазами, чтобы понять его истинную природу. Только тогда можно будет принять окончательное решение.

Она поспешила к доку, где её ждал «Странник» и, возможно, единственный шанс человечества на будущее, отличное от медленного угасания среди холодных звёзд.

Глава 5: Разделенная верность

Док «Странника» находился в дальней секции «Астролога», где базировались малые разведывательные корабли. Обычно здесь было оживлённо – пилоты и техники готовили суда к вылету, грузчики перемещали контейнеры с оборудованием и припасами. Но сейчас, в середине смены, большинство кораблей уже отбыло на задания, и в доке царила относительная тишина.

Лира осторожно вошла через боковой вход, избегая основных коридоров. Её сердце колотилось – не только от быстрой ходьбы, но и от осознания того, что она совершает, возможно, самый серьёзный поступок в своей жизни. Предательство? Или акт отчаянной надежды?

«Странник» ждал её – небольшой, обтекаемой формы корабль, предназначенный для быстрых разведывательных миссий. Несмотря на скромные размеры, он был оснащён продвинутыми системами навигации и, что самое важное, автономным прыжковым двигателем – редкость для кораблей такого класса.

У трапа стоял Киран, нервно проверяя что-то на своём планшете. Увидев сестру, он заметно расслабился: – Ты успела. Я уже начал беспокоиться.

– Я получила координаты, – Лира показала ему свой планшет. – Они точны и полны. Мы сможем запрограммировать прямой прыжок к Нексусу.

– А Элия?

– Должна скоро быть здесь, если план Мариты сработает.

Киран кивнул в сторону корабля: – Всё готово. Официально мы отправляемся на разведку ресурсов в секторе Каппа-9. Я получил все необходимые разрешения. Никто не будет искать нас как минимум неделю.

– Этого должно хватить, – Лира посмотрела на часы. – Сколько ещё времени у нас до…

Её прервал звук открывающихся дверей дока. Они оба замерли, готовые к конфронтации с охраной или агентами Корвина. Но это была Элия в сопровождении Мариты.

– Прости за задержку, – быстро проговорила Элия, подходя к ним. – Пришлось ждать, пока сработает отвлекающий манёвр.

– Что вы сделали? – спросил Киран.

Марита позволила себе лёгкую улыбку: – Небольшой сбой в системах жизнеобеспечения жилого сектора G. Ничего опасного, просто колебания температуры и странные шумы из вентиляционных шахт. Достаточно, чтобы отвлечь техников безопасности.

– Умно, – одобрил Киран. – Но это не задержит их надолго.

– Я не полечу с вами, – сказала Марита, и все удивлённо посмотрели на неё. – Кто-то должен остаться здесь, чтобы… сглаживать ситуацию. Объяснять. Возможно, подготовить Флот к тому, что вы обнаружите.

Лира понимающе кивнула: – И этот кто-то должен иметь связи среди Хранителей Потока.

– Точно, – подтвердила Марита. – Я могу говорить с ними на их языке. Возможно, даже с моим отцом… когда он остынет.

– Ты рискуешь многим, – заметила Лира.

– Мы все рискуем, – просто ответила Марита. – Такова цена надежды.

Сигнал тревоги, раздавшийся по всему доку, прервал их разговор. Механический голос системы безопасности объявил: – Внимание всем подразделениям. Введён протокол повышенной безопасности. Запрещены все несанкционированные перемещения между секторами. Повторяю…

– Корвин, – прошептала Лира. – Видимо, час, который он нам дал, истёк раньше.

– Или он никогда не собирался его давать, – мрачно заметил Киран. – Быстро на борт! Марита, уходи отсюда, пока тебя не заметили с нами.

– Удачи, – Марита быстро обняла каждого из них. – Найдите что-нибудь стоящее. Ради всех нас.

Она скрылась в боковом коридоре, а Лира, Киран и Элия поднялись по трапу на борт «Странника». Внутри корабль был тесным, но функциональным – центральный отсек совмещал функции кают-компании и центра управления, из него вели двери в крошечные каюты и технические помещения.

Киран немедленно занял место пилота, активируя системы корабля: – Отстыковка через две минуты. Элия, проверь системы жизнеобеспечения. Лира, загружай координаты в навигационный компьютер.

Все трое действовали быстро и чётко, каждый зная свою задачу. Лира подключила свой планшет к бортовому компьютеру и начала передачу навигационного кода. Это была не просто последовательность пространственных координат, но сложная матрица пространственно-временных параметров, учитывающих уникальные свойства Нексуса.

– Системы в норме, – доложила Элия. – Запас воздуха на три недели для троих. Пища, вода – всё в пределах нормы для разведывательной миссии.

– Координаты загружены, – сказала Лира. – Навигационный компьютер рассчитывает траекторию прыжка.

Киран активировал двигатели, и «Странник» мягко завибрировал, готовясь к отстыковке: – Внешние фиксаторы отключены. Шлюзовые системы активированы. Отстыковка через десять секунд.

В этот момент по внутренней связи раздался встревоженный голос диспетчера дока: – «Странник», это диспетчерская. Ваш вылет отменён. Повторяю, ваш вылет отменён. Оставайтесь пристыкованными до дальнейших указаний.

Киран обменялся быстрыми взглядами с Лирой: – Что будем делать?

Лира на мгновение закрыла глаза, принимая окончательное решение. Затем решительно кивнула: – Летим. Сейчас или никогда.

– «Странник», немедленно ответьте! – снова раздался голос диспетчера. – Отмените процедуру отстыковки или мы…

Киран отключил связь и активировал экстренную отстыковку – процедуру, предназначенную для использования только в критических ситуациях. Раздался громкий хлопок, когда стыковочные захваты принудительно разжались.

– Держитесь! – крикнул он, выводя двигатели на полную мощность.

«Странник» рванулся вперёд, выходя из дока в открытый космос. На экранах внешнего обзора они видели «Астролог» – огромный корабль, служивший домом для тысяч людей, символ последнего прибежища человечества. Теперь он оставался позади, уменьшаясь с каждой секундой.

– Нас преследуют? – спросила Элия, глядя на радар.

– Пока нет, – ответил Киран. – Но они наверняка отправят перехватчики, как только поймут, что мы не собираемся возвращаться.

– Как скоро мы сможем совершить прыжок? – спросила Лира.

Киран проверил показания систем: – Навигационный компьютер всё ещё рассчитывает траекторию. Эти координаты… они не похожи ни на что, с чем я сталкивался раньше. Системе требуется время на интерпретацию.

– Сколько?

– Пятнадцать минут, может больше.

Лира нахмурилась: – У нас нет столько времени. Перехватчики догонят нас раньше.

– Есть идеи? – спросил Киран.

Лира задумалась, затем кивнула: – Пояс астероидов Кассиопеи. Он достаточно близко, чтобы мы могли добраться туда до появления перехватчиков, и достаточно плотный, чтобы затруднить поиски.

– Рискованно, – заметила Элия. – Навигация среди астероидов требует предельной концентрации.

– У нас лучший пилот Флота, – Лира с уверенностью посмотрела на брата.

Киран улыбнулся: – Лесть тебе не поможет. Но идея хорошая.

Он изменил курс, направляя корабль к едва видимому вдали скоплению астероидов. «Странник» был быстрым кораблём, и расстояние они преодолели за несколько минут. По мере приближения к поясу астероидов, на экранах становились видны каменные глыбы разного размера – от небольших обломков до массивных тел размером с маленькую луну.

– Вход в пояс через тридцать секунд, – сообщил Киран. – Всем приготовиться к турбулентности.

Корабль вошёл в пояс, и Киран полностью сосредоточился на управлении, маневрируя между астероидами с мастерством, доступным немногим пилотам Флота. Его руки уверенно двигались над панелью управления, глаза неотрывно следили за показаниями приборов и визуальными данными.

– Как продвигаются расчёты прыжка? – спросила Лира, следя за навигационным компьютером.

– Семьдесят процентов, – ответил Киран. – Ещё пять минут.

– У нас гости, – внезапно сказала Элия, указывая на радар. – Три сигнала. Перехватчики Флота, судя по сигнатурам.

– Уже? – удивился Киран. – Они должны были потратить больше времени на подготовку к вылету.

– Видимо, они были наготове, – мрачно заметила Лира. – Корвин предвидел наш манёвр.

– Что будем делать? – спросила Элия. – Они быстрее и маневреннее «Странника».

– Но не в астероидном поле, – Киран направил корабль в особенно плотный участок пояса. – Здесь опыт пилота значит больше, чем характеристики корабля.

На радаре было видно, как перехватчики разделились, пытаясь окружить «Странник». Они действовали согласованно, как хорошо тренированная команда.

– Они берут нас в кольцо, – сказала Элия. – Пытаются направить к выходу из пояса.

– Стандартная тактика, – кивнул Киран. – Но у меня есть другие планы.

Он резко изменил курс, направив «Странник» к центру пояса астероидов, где концентрация космических тел была наивысшей. Это был рискованный манёвр – здесь даже опытному пилоту требовалось всё его мастерство, чтобы избежать столкновения.

– Расчёты прыжка на восемьдесят пять процентов, – доложила Лира. – Ещё три минуты.

По внутренней связи внезапно раздался знакомый голос: – Разведывательный корабль «Странник», говорит капитан Тамир Норд с «Астролога». Лира, Киран, я знаю, что вы меня слышите. Прекратите этот безумный полёт и вернитесь на базу.

Лира и Киран обменялись взглядами. Тамир был их наставником, почти отцом после смерти их родителей. Его участие в погоне делало ситуацию ещё более сложной.

– Мы должны ответить? – спросила Лира.

Киран кивнул: – Он заслуживает объяснений.

Лира активировала связь: – Капитан Норд, это Лира Эльвари. Мы не можем вернуться. То, что мы обнаружили на Мнемозине… это слишком важно, чтобы позволить Совету скрыть это.

– Что бы вы ни нашли, существуют правильные способы действовать, – ответил Тамир. – Не так, не предательством.

– Это не предательство, – возразила Лира. – Мы действуем ради Флота, ради будущего.

– Рейс рассказал мне о ваших находках, – голос Тамира звучал устало. – О технологии инверсии времени. О возможных последствиях. Вы играете с силами, которых не понимаете.

– Мы хотим понять их, – сказала Лира. – Своими глазами увидеть Нексус, о котором говорилось в данных. Только тогда мы сможем принять информированное решение.

– Если эти данные верны, вы рискуете не только своими жизнями, но и самой реальностью, – настаивал Тамир. – Подумай, Лира. Стоит ли этого риск?

Лира посмотрела на экран, где были видны координаты Нексуса Инверсии – места, где, возможно, находился ключ к спасению человечества. Или к его окончательной гибели.

– Я думала, капитан, – тихо ответила она. – Много думала. О Флоте, о нашем будущем. Мы медленно умираем. С каждым годом ресурсов становится всё меньше. Ещё тридцать лет, может быть пятьдесят – и человечество исчезнет. Это… неприемлемо.

– Так вот в чём дело, – голос Тамира смягчился. – Ты боишься конца.

– А вы нет? – спросила Лира.

Долгая пауза, затем: – Каждый день своей жизни, – честно ответил он. – Но страх не должен управлять нашими решениями. Особенно когда ставки так высоки.

– Расчёты прыжка на девяносто пять процентов, – прошептала Элия. – Ещё минута.

Лира глубоко вздохнула: – Капитан, вы учили нас быть смелыми. Искать ответы, а не прятаться от вопросов. Это именно то, что мы делаем сейчас.

– Я также учил вас мудрости, – возразил Тамир. – Различать храбрость и безрассудство.

– Иногда грань между ними очень тонкая, – сказала Лира. – Но если мы не рискнём сейчас, то никогда не узнаем, был ли шанс.

На радаре было видно, что перехватчики сближались. Один из них, ведомый Тамиром, уже находился достаточно близко, чтобы использовать притягивающий луч, если они выйдут из-за прикрытия астероидов.

– Расчёты завершены, – сообщила Элия. – Прыжок возможен.

Киран посмотрел на сестру, ожидая окончательного решения.

– Прости, капитан, – Лира говорила искренне. – Мы должны это сделать. Если мы вернёмся – с доказательствами, с уверенностью в безопасности – обещаю, мы всё объясним.

– Лира, не… – голос Тамира оборвался, когда Киран активировал прыжковый двигатель.

Пространство вокруг них исказилось, звёзды растянулись в длинные линии, и «Странник» исчез из обычного пространства-времени, оставив преследователей позади. Начался прыжок к Нексусу Инверсии – месту, где законы времени, возможно, действовали иначе, чем во всей остальной вселенной.

На борту «Астролога» царило напряжённое волнение. Новость о побеге «Странника» распространилась быстро, порождая слухи и догадки. Большинство знало только, что группа членов экипажа похитила разведывательный корабль и скрылась в неизвестном направлении. Но немногие, имевшие доступ к закрытой информации, понимали истинное значение произошедшего.

Совет Памяти собрался на экстренное заседание. За круглым столом сидели старейшины, их лица выражали тревогу и гнев. Корвин Рейс стоял перед ними, завершая свой доклад о ситуации: – …таким образом, архивариус Эльвари, её брат и инженер Вант завладели секретной информацией о Нексусе Инверсии и, вероятно, направляются прямо туда. Капитан Норд пытался перехватить их, но они успели активировать прыжковый двигатель.

Старейшина Маркус, председатель Совета, мрачно кивнул: – Это серьёзнее, чем я предполагал. Они не просто нарушили протокол – они поставили под угрозу само существование Флота.

– Если данные верны, – тихо заметила старейшина Елена, – они поставили под угрозу само существование реальности.

– Что нам известно об этом Нексусе? – спросил старейшина Джеронимо. – Мы уверены, что он действительно существует?

Корвин активировал голографический проектор, показывая звёздную карту: – Координаты, полученные исследователями Мнемозины, указывают на малоизученную систему на краю исследованного космоса. Наши архивы содержат лишь общие данные о ней – небольшая

звезда класса K с несколькими планетами. Ничего примечательного, согласно стандартным сканированиям. Но…

Он переключил изображение, показывая странные искажения пространства-времени: – Детальный анализ, проведённый командой доктора Шэня, выявил необычные гравитационные и темпоральные аномалии вокруг третьей планеты системы. По их гипотезе, там существует область, где законы энтропии обращены вспять – проще говоря, где время течёт в обратном направлении.

– Это невозможно, – возразил Джеронимо. – Противоречит фундаментальным законам физики.

– Наши представления о «невозможном» неоднократно опровергались историей науки, – заметила Елена. – Помните теорию относительности? Квантовую механику? Нелокальность? Все они когда-то считались невозможными.

– Дело не в том, возможно это или нет, – сказал Маркус. – А в том, что произойдёт, если это правда. – Он повернулся к Корвину: – Что говорят расчёты о потенциальных последствиях взаимодействия с этой аномалией?

Корвин мрачно покачал головой: – В лучшем случае – локальные искажения причинно-следственных связей. В худшем… полный коллапс нашей реальности. Возможно, именно это и случилось триста лет назад.

– Вы полагаете, Коллапс был результатом подобных экспериментов? – спросил Джеронимо.

– Это объяснило бы многое, – ответил Корвин. – Внезапность катастрофы, её масштаб, отсутствие явных физических причин. Но это лишь гипотеза.

В зале Совета воцарилось тяжёлое молчание. Каждый осмысливал услышанное, взвешивая риски и возможные последствия.

– Что с предательницей? – наконец спросил старейшина Аксель, самый пожилой член Совета, до этого молчавший. – С вашей дочерью?

Корвин напрягся, но ответил ровным голосом: – Марита Рейс находится под домашним арестом. Она не полетела с ними, но способствовала их побегу.

– Странный выбор, – заметил Аксель. – Помочь, но не присоединиться.

– Она всегда была… идеалисткой, – ответил Корвин. – Верит, что действует во благо Флота, даже нарушая его законы.

– Как и архивариус Эльвари, – сказала Елена. – Я знаю Лиру с детства. Она не предатель, а искатель истины. Возможно, чрезмерно упрямый и самонадеянный, но искренний.

– Искренность не имеет значения, когда ставкой является само существование, – возразил Маркус. – Вопрос в том, что нам делать сейчас?

– Послать погоню, – немедленно ответил Джеронимо. – Быстрейший из наших кораблей с командой перехвата.

– Бесполезно, – покачал головой Корвин. – «Странник» уже в прыжке. К тому времени, как погоня достигнет Нексуса, будет слишком поздно.

– Тогда что вы предлагаете? – спросил Маркус.

Корвин глубоко вздохнул: – Подготовить Флот. К любому возможному исходу. Если Эльвари и её команда найдут то, что ищут, и сумеют безопасно вернуться – их данные будут бесценны. Если произойдёт катастрофа… мы должны быть готовы к этому.

– Готовы к концу реальности? – с горькой иронией спросил Аксель. – Как именно вы предлагаете подготовиться к этому, представитель Рейс?

– С надеждой, – неожиданно сказала Елена. – И верой в тех, кого мы учили и кому доверяли. Лира Эльвари – один из лучших архивариусов-навигаторов, которых я знала. Киран Эльвари – блестящий пилот. Элия Вант – гениальный инженер. Если кто-то и способен безопасно исследовать Нексус, это они.

– Вы говорите так, словно одобряете их действия, – нахмурился Джеронимо.

– Я не одобряю методы, – ответила Елена. – Но понимаю их мотивы. И, возможно, их храбрость – именно то, что нужно человечеству в этот момент.

Совет разделился во мнениях. Одни поддерживали жёсткий подход – объявить беглецов предателями и подготовить карательные меры в случае их возвращения. Другие склонялись к осторожному ожиданию, признавая, что ситуация вышла за рамки стандартных процедур.

В итоге было решено сохранить информацию о Нексусе Инверсии в строжайшей тайне, ограничив доступ к ней лишь членами Совета Памяти и Совета Капитанов. Флот продолжил бы свой обычный маршрут, но в повышенной боевой готовности. А судьба Лиры и её команды решилась бы после их возвращения – если они вообще вернутся.

Когда заседание закончилось, Корвин остался один в зале Совета, глядя на голографическое изображение Нексуса Инверсии. Его лицо, обычно суровое и непроницаемое, выражало сложную смесь эмоций – гнев, страх, и, что удивительно, тень надежды.

– Будь осторожна, Эльвари, – прошептал он в пустоту. – Ради всех нас.

Марита Рейс сидела в своей каюте, официально находясь под домашним арестом. Охранник у двери обеспечивал её изоляцию от остального корабля, но ей было разрешено пользоваться коммуникационной системой для связи с избранными членами экипажа – привилегия, полученная благодаря её статусу дочери Корвина Рейса.

Сейчас она вела приватный разговор с капитаном Тамиром Нордом, который вернулся на «Астролог» после неудачной попытки перехвата «Странника».

– Они действительно уверены в том, что делают, – говорил Тамир, его усталое лицо на экране коммуникатора выражало беспокойство. – Я никогда не слышал Лиру такой решительной.

– Потому что ставки невероятно высоки, – ответила Марита. – Я видела те же данные, что и они. Если Нексус Инверсии действительно существует и работает так, как предполагали учёные Мнемозины, это может изменить всё.

– Или уничтожить всё, – мрачно заметил Тамир. – Твой отец убеждён, что любые манипуляции с временной аномалией приведут к катастрофе.

– Мой отец… – Марита вздохнула. – Он не всегда был таким. Раньше он верил в прогресс, в науку. Но после Гелиоса-9…

– Он изменился, – кивнул Тамир. – Мы все изменились после той катастрофы. Но Корвин, возможно, больше всех.

Марита задумчиво смотрела на капитана: – Как вы думаете, что случится, если Лира и остальные действительно найдут способ использовать Нексус? Если они смогут изменить прошлое, предотвратить Коллапс?

Тамир долго молчал, прежде чем ответить: – Я не знаю. Никто не знает. Возможно, мы проснёмся в лучшем мире, где человечество никогда не теряло свои колонии, где мы всё ещё процветающая межзвёздная цивилизация. Или, возможно… мы вообще не проснёмся.

– А что если… – Марита колебалась, прежде чем высказать мысль, которая давно её тревожила, – что если мы уже в изменённой реальности? Что если Коллапс и был результатом попытки изменить прошлое? Своего рода… коррекцией вселенной?

Тамир нахмурился: – Интересная теория. И пугающая. Ты обсуждала её с отцом?

– Нет, – покачала головой Марита. – Он не в том состоянии, чтобы рассматривать альтернативные гипотезы. Для него всё просто: любое вмешательство во временной поток – зло.

– А для тебя?

Марита задумалась: – Я думаю, что мы не можем оценивать такие фундаментальные явления в категориях добра и зла. Время – это не моральная категория, а физическая реальность. Вопрос в том, можем ли мы взаимодействовать с ней безопасно и ответственно.

– Философ, – с лёгкой улыбкой заметил Тамир. – Как твоя мать.

– Вы знали её? – удивлённо спросила Марита.

– Не очень хорошо, – ответил Тамир. – Но достаточно, чтобы видеть её в тебе. Она тоже всегда искала баланс между традицией и прогрессом.

Их разговор прервал сигнал на коммуникаторе Тамира.

– Мне нужно идти, – сказал он. – Совет Капитанов собирается обсудить ситуацию.

– Что они решат, как вы думаете?

Тамир пожал плечами: – Официально – объявить Эльвари и Вант предателями, ввести дополнительные меры безопасности, предотвратить возможность повторения подобных инцидентов.

– А неофициально?

– Ждать, – просто ответил он. – И надеяться, что Лира и её команда знают, что делают.

После того, как связь прервалась, Марита долго сидела в тишине своей каюты. Она думала о Лире, Киране и Элии, летящих сейчас к Нексусу Инверсии – месту, где законы природы, возможно, действуют совсем иначе. О своём отце, запутавшемся между страхом и долгом. О Флоте, медленно умирающем среди звёзд.

Какими бы ни были риски этой миссии, альтернатива – медленное угасание последних остатков человечества – казалась ей ещё более страшной. И впервые за долгое время Марита почувствовала то, что почти забыла, – надежду. Хрупкую, неопределённую, но настоящую.

Возможно, где-то в глубине космоса, в месте, где время течёт вспять, лежал ключ к будущему, которого у них ещё не было, но которое могло бы быть.

Часть II: По следам древних

Глава 6: Тени Коллапса

Прыжок через гиперпространство всегда был странным опытом – смесью субъективных ощущений и искажённого восприятия времени. Для экипажа «Странника» этот прыжок казался особенно долгим, хотя корабельные хронометры показывали стандартную длительность перехода.

Лира сидела в своей крошечной каюте, изучая данные о Нексусе Инверсии, когда почувствовала характерную вибрацию, сигнализирующую о приближении выхода из прыжка. Она быстро отложила планшет и направилась в центральный отсек, где Киран уже занимал место пилота, готовясь к возвращению в обычное пространство.

– Выход через две минуты, – сообщил он, не отрывая глаз от приборов. – Все системы функционируют нормально.

Элия, сидевшая за соседней консолью, проверяла показания сенсоров: – Странно. Я фиксирую необычные колебания в пространственно-временном континууме. Словно… рябь на поверхности воды.

– Мы приближаемся к аномалии, – заметила Лира. – Логично ожидать нестандартных показаний.

– Тридцать секунд до выхода, – объявил Киран. – Пристегнитесь. Не знаю, насколько турбулентным будет переход.

Лира и Элия заняли свои места и активировали защитные поля кресел. Корабль начал сильнее вибрировать, огни на панелях управления замерцали.

– Десять секунд, – голос Кирана звучал напряжённо. – Девять… восемь…

Внезапно корабль содрогнулся так сильно, что не будь они пристёгнуты, их бы выбросило из кресел.

– Что происходит? – крикнула Элия.

– Не знаю! – Киран лихорадочно работал с контролями. – Похоже, мы задели край какого-то гравитационного возмущения. Системы выхода дестабилизировались!

Лира наблюдала, как показания приборов меняются хаотично – энергетические уровни скакали, координаты смещались, словно корабль одновременно находился в нескольких точках пространства.

– Прыжковый двигатель перегружен, – сообщила Элия. – Если мы не стабилизируем выход, может произойти катастрофический сбой.

Киран сосредоточился, его руки двигались над панелью управления с невероятной скоростью: – Пытаюсь компенсировать искажения… перенаправляю энергию… вручную корректирую вектор выхода…

Лира видела, как на его лбу выступили капли пота, но взгляд оставался сфокусированным, движения – точными. Из всех пилотов Флота только Киран мог управлять кораблём в таких экстремальных условиях.

– Есть контакт! – внезапно воскликнула Элия. – Мы выходим!

Пространство вокруг них исказилось, свет изогнулся странными узорами, и на мгновение Лире показалось, что она видит своё собственное лицо, смотрящее на неё из будущего или прошлого. Затем реальность схлопнулась, и «Странник» вернулся в нормальное пространство-время с оглушительным грохотом и сильнейшей тряской.

Несколько секунд в центральном отсеке царила тишина, нарушаемая лишь писком приборов и тяжёлым дыханием трёх людей, переживших экстремальный выход из прыжка.

– Все целы? – наконец спросил Киран, расслабляя напряжённые пальцы.

– Кажется, да, – ответила Элия, проверяя показания систем. – Корабль получил некоторые повреждения, но ничего критического. Внешняя обшивка повреждена на 12%, энергетические системы функционируют на 87% мощности. Жизнеобеспечение в норме.

– Что это было? – Лира всё ещё чувствовала дезориентацию.

– Мы наткнулись на темпоральную турбулентность при выходе из прыжка, – объяснил Киран. – Словно… попали в зону, где время течёт неравномерно. Навигационный компьютер не был готов к таким аномалиям.

– Мы там, куда стремились? – спросила Лира, обращаясь к обзорным экранам.

Киран проверил координаты: – Почти. Мы вышли примерно в полумиллионе километров от расчётной точки. Но определённо в системе Нексуса.

Лира активировала главный обзорный экран, и перед ними развернулась панорама неизвестной звёздной системы. В центре сияла небольшая оранжево-красная звезда класса K, вокруг которой вращалось несколько планет разного размера. Третья от звезды планета, согласно данным с Мнемозины, и была предполагаемым местом темпоральной аномалии.

– Невероятно, – прошептала Элия, глядя на показания сенсоров. – Я фиксирую странные гравитационные и электромагнитные паттерны вокруг третьей планеты. Что-то определённо не так с пространством-временем в этой области.

– Приближаемся? – спросил Киран, глядя на Лиру.

Она колебалась лишь мгновение: – Да. Но осторожно. Держись на безопасном расстоянии, пока мы не поймём, с чем имеем дело.

Киран кивнул и задал новый курс. «Странник» медленно двинулся к третьей планете, сохраняя дистанцию, достаточную для экстренного отступления в случае опасности.

По мере приближения, они могли рассмотреть планету детальнее. Она была меньше Земли, с голубовато-зелёной атмосферой и странными кольцевыми структурами на поверхности, видимыми даже из космоса.

– Это искусственные сооружения? – удивлённо спросила Элия, увеличивая изображение.

– Похоже на то, – подтвердила Лира. – Кольцевые комплексы, соединённые линейными структурами. Определённо не природного происхождения.

– Но кто их построил? – Киран нахмурился. – Согласно нашим записям, эта система никогда не колонизировалась.

Лира проверила данные с Мнемозины: – В отчёте доктора Шэня упоминается, что они обнаружили эти структуры уже заброшенными. Предположительно, это остатки исследовательской базы, созданной до Коллапса секретной научной группой, изучавшей темпоральную аномалию.

– Сканеры показывают отсутствие активных энергетических сигнатур на поверхности, – сказала Элия. – Если там и была база, сейчас она неактивна.

– Что ещё говорится в отчёте о планете? – спросил Киран.

Лира просматривала данные: – Атмосфера пригодна для дыхания, хотя богаче кислородом, чем земная. Гравитация примерно 0.8g. Средняя температура на поверхности около 15°C. В целом, условия вполне приемлемые для человека.

– А аномалия? Где конкретно находится зона инверсии времени? – Киран корректировал курс, обходя планету по широкой орбите.

– Вот здесь, – Лира указала на карту. – Северное полушарие, в районе самого большого кольцевого сооружения. По данным Шэня, зона имеет чёткую границу – темпоральную мембрану, отделяющую нормальное течение времени от обращённого.

– Я что-то фиксирую, – внезапно сказала Элия, изучая показания сенсоров. – В районе, который ты указала… странные энергетические колебания. Словно… пульсация.

– Можешь показать визуально? – попросила Лира.

Элия вывела на экран трёхмерную модель планеты с наложенными данными сканирования. Над указанным регионом северного полушария была видна область искажения – словно кто-то создал гигантский купол из мерцающей энергии.

– Это и есть граница Нексуса Инверсии, – тихо произнесла Лира. – Место, где время течёт вспять.

Они молча смотрели на изображение, осознавая значимость момента. После долгих поисков и риска они наконец обнаружили то, что искали – феномен, который мог изменить судьбу человечества. Теперь оставалось самое сложное – понять его природу и возможности, которые он предоставлял.

– Как будем действовать? – спросил Киран. – Высадка на поверхность?

– Не сразу, – ответила Лира. – Сначала нам нужно собрать больше данных. Предлагаю запустить автоматические зонды для исследования периметра аномалии. Затем, если всё будет безопасно, можем рассмотреть возможность высадки.

– Согласна, – кивнула Элия. – Я подготовлю зонды. У нас на борту четыре исследовательских дрона, оснащённых всеми необходимыми сенсорами.

– Отлично, – Лира встала. – Тогда приступим. Киран, выведи нас на стабильную орбиту вокруг планеты, достаточно низкую для запуска зондов, но безопасную от возможного воздействия аномалии.

Следующие несколько часов они провели в подготовке. Киран вывел «Странник» на оптимальную орбиту, Элия программировала исследовательские зонды, а Лира анализировала имеющиеся данные, пытаясь составить более полную картину того, что их ожидало.

Наконец всё было готово. Четыре зонда, размером не больше человеческой ладони каждый, были запущены с борта «Странника» и направились к поверхности планеты. Их траектории были рассчитаны так, чтобы они приблизились к границе аномалии с разных сторон, обеспечивая максимально полный сбор данных.

– Зонды достигнут поверхности через семнадцать минут, – сообщила Элия, наблюдая за их полётом на мониторе.

– А пока, – Лира активировала голографический проектор в центре отсека, – давайте ещё раз пройдёмся по тому, что нам известно.

На проекторе появилось трёхмерное изображение планеты с наложенными данными.

– Согласно отчёту Шэня, планета называлась Хронос, – начала Лира. – Она была открыта примерно за пятьдесят лет до Коллапса секретной научной экспедицией, изучавшей пространственно-временные аномалии. Первоначально здесь обнаружили лишь незначительные гравитационные искажения, но затем, при более детальном исследовании, выявили уникальный феномен – локализованную область, где процессы энтропии обращены вспять.

– Они обнаружили аномалию или создали её? – спросил Киран.

– В документах есть расхождения, – ответила Лира. – В некоторых отчётах говорится об обнаружении естественного феномена, в других намекается на эксперименты с «усилением» первоначально небольшой аномалии. В любом случае, здесь была построена исследовательская база, – она указала на кольцевые структуры на поверхности. – Эти сооружения расположены концентрически вокруг эпицентра аномалии, позволяя изучать её с разной степенью воздействия.

– А что известно о последствиях пребывания в зоне инверсии? – спросила Элия. – Как это влияет на живые организмы? На технологии?

– Данные фрагментарны, – признала Лира. – Но есть указания на то, что биологические процессы внутри зоны действительно обращаются вспять – раны заживают, старение замедляется или даже обращается. Однако с неживой материей всё сложнее. Некоторые объекты, помещённые в зону, разрушались, другие – восстанавливались из повреждённого состояния.

Шэнь предполагал, что результат зависит от «темпоральной резонансной частоты» объекта – концепции, которую я не до конца понимаю.

– А самое важное, – добавил Киран, – что происходит с сознанием? Если физическое тело омолаживается, что происходит с памятью? С личностью?

– По теории Шэня, – ответила Лира, – человеческое сознание и память существуют в своего рода… темпоральном пузыре. Они сохраняют свою целостность и направленность независимо от физических процессов. То есть, даже в зоне инверсии человек будет помнить своё прошлое и осознавать настоящее. Но это лишь теория, не подтверждённая долгосрочными исследованиями.

– Зонды входят в атмосферу, – прервала их Элия. – Получаю первичные данные.

Они обратили внимание на экраны, где отображалась информация, поступающая с зондов. Первые изображения показывали безжизненный, скалистый ландшафт с редкой растительностью, напоминающей земные лишайники и мхи. Небо имело странный голубовато-зелёный оттенок, придававший всему пейзажу инопланетный вид.

– Зонды приближаются к кольцевым структурам, – сообщила Элия. – Вижу детали конструкций. Определённо искусственного происхождения, сделаны из материала, похожего на армированный базальт. Архитектура функциональная, без декоративных элементов.

Изображения становились чётче по мере снижения зондов. Теперь они могли видеть полуразрушенные здания, разбросанные вокруг колец, заброшенную технику, покрытую слоем пыли, узкие дороги, соединяющие объекты.

– Похоже на научную базу, – заметил Киран. – Жилые модули, лаборатории, складские помещения. Всё, что нужно для автономного существования исследовательской группы.

– И всё давно заброшено, – добавила Лира. – Судя по степени разрушения и эрозии, здесь никого не было очень давно. Возможно, со времён Коллапса.

– Зонд №1 приближается к периметру аномалии, – сказала Элия, напряжённо наблюдая за данными. – Расстояние – пятьсот метров… триста… сто…

Все трое замерли, наблюдая за экраном. Изображение с зонда показывало странное мерцание впереди – словно воздух колебался, создавая визуальные искажения.

– Пятьдесят метров… двадцать… десять…

Внезапно изображение задрожало, покрылось полосами помех, затем полностью исчезло. Данные телеметрии прервались.

– Потеряла контакт с зондом №1, – сообщила Элия, проверяя системы. – Он… исчез. Не разрушен, не повреждён, просто исчез из наших сенсоров.

– Зонд №2 тоже приближается к границе аномалии, – сказал Киран, указывая на другой монитор. – С другой стороны периметра.

Они наблюдали, как второй зонд достиг мерцающей границы. Но на этот раз, вместо исчезновения, произошло нечто странное – изображение словно перевернулось, цвета инвертировались, а затем… зонд начал передавать то, что можно было описать только как видео, идущее в обратном направлении. Камни, которые он заснял ранее, теперь двигались в обратном направлении, пыль собиралась в воздухе в странные фигуры, тени перемещались против движения солнца.

– Невероятно, – прошептала Лира. – Он действительно вошёл в зону инверсии времени. И продолжает передавать данные!

– Но я не понимаю, почему первый зонд исчез, а второй продолжает функционировать, – нахмурилась Элия.

– Возможно, дело в угле входа или каких-то других параметрах, которые мы не учитываем, – предположил Киран. – Что с остальными зондами?

– Зонд №3 только что достиг периметра, – ответила Элия, – и… он тоже прошёл! Передаёт данные, аналогичные зонду №2. А вот зонд №4… – она замолчала, наблюдая за экраном, – только что исчез, как и первый.

– Два из четырёх, – задумчиво произнесла Лира. – Шансы 50/50. Это… обнадёживает и тревожит одновременно.

Они сосредоточились на данных, получаемых с двух функционирующих зондов. Помимо визуальной информации, зонды передавали массу других показаний – химический состав атмосферы, радиационный фон, гравитационные и электромагнитные параметры.

– Смотрите! – внезапно воскликнула Элия, указывая на экран. – Зонд №2 фиксирует что-то странное.

На изображении, среди полуразрушенных зданий, можно было заметить движение – словно тени перемещались между конструкциями, собираясь в некие формы, затем распадаясь и снова собираясь.

– Что это? – напряжённо спросил Киран. – Какая-то форма жизни?

– Не похоже, – Элия увеличила изображение и применила различные фильтры. – Скорее, это… темпоральные эхо. Отголоски событий, происходивших здесь в прошлом. Или, учитывая инверсию, в будущем?

– Как призраки, – тихо сказала Лира. – Только не душ, а моментов времени.

Зонды продвигались глубже в зону аномалии, приближаясь к центральному кольцевому сооружению. По мере приближения, странные эффекты становились всё более выраженными – объекты спонтанно реконструировались из руин, растения быстро росли или, наоборот, втягивались обратно в землю, небо меняло цвета в странных, нелогичных последовательностях.

– Похоже, интенсивность инверсии увеличивается к центру, – заметила Лира. – Ближе к периферии эффекты слабее, больше напоминают флуктуации. В центре же… полное обращение.

– Зонд №3 достиг третьего кольца, – сообщила Элия. – Он фиксирует… – она замолчала, пораженная. – Это невозможно.

На экране они увидели то, что казалось невероятным – полуразрушенные здания восстанавливались на глазах, мусор и обломки собирались обратно в целые конструкции, ржавчина исчезала с металлических поверхностей. И среди этого хаоса обратного созидания можно было увидеть человеческие фигуры – нечёткие, прерывистые, как голограммы с плохим приёмом, но определённо люди в рабочей одежде, двигающиеся странными, рывками, задом наперёд.

– Учёные, – прошептала Лира. – Исследователи, работавшие здесь триста лет назад. Мы видим… эхо их присутствия, отпечатавшееся в ткани времени.

– Но как такое возможно? – потрясённо спросил Киран. – Даже если время течёт вспять, как могут сохраняться такие чёткие образы спустя столетия?

– Возможно, дело в самой природе Нексуса, – предположила Лира. – Если инверсия темпоральных процессов достаточно сильна, то события не просто движутся в обратном направлении – они повторяются, снова и снова, как зацикленная запись.

– Зонд №2 теряет стабильность, – внезапно сообщила Элия. – Данные искажаются, сигнал слабеет.

Изображение с зонда действительно становилось всё более фрагментарным, распадаясь на отдельные кадры, между которыми зияли пробелы.

– Зонд №3 тоже, – добавила она через несколько секунд. – Думаю, воздействие темпоральной инверсии разрушает их электронику.

Прежде чем кто-либо успел ответить, оба зонда одновременно прекратили передачу данных. Экраны заполнились статическим шумом.

– Потеряла все зонды, – мрачно констатировала Элия. – Но мы получили достаточно информации для первичного анализа.

– Что ж, – Лира отошла от консоли и повернулась к своим спутникам. – Теперь у нас есть подтверждение. Нексус Инверсии реален. Время там действительно течёт в обратном направлении, причём с разной интенсивностью в зависимости от расстояния до центра.

– Вопрос в том, что мы будем делать с этим знанием, – сказал Киран. – Высадка на поверхность?

– Слишком рискованно без дополнительной информации, – возразила Элия. – Мы видели, что даже зонды не выдержали длительного воздействия аномалии. Что может случиться с людьми?

– Согласно отчётам Шэня, люди более устойчивы к темпоральным эффектам, чем электроника, – заметила Лира. – Что-то связанное с органической природой сознания.

– Всё равно слишком опасно, – настаивала Элия. – Мы должны сначала понять механизм аномалии, разработать защитные меры.

Лира задумалась. Она понимала опасения Элии, но также осознавала, что время работает против них. Рано или поздно Флот обнаружит их исчезновение и отправит поисковые корабли. Кроме того, данных, собранных зондами, было недостаточно для полного понимания природы Нексуса и его потенциального использования.

– Предлагаю компромисс, – наконец сказала она. – Мы спустимся на поверхность, но останемся за пределами зоны инверсии. Исследуем базу, соберём любые данные, которые могли сохраниться в компьютерах или архивах. Это даст нам больше информации для принятия решения о дальнейших действиях.

Киран и Элия обменялись взглядами, затем кивнули.

– Звучит разумно, – согласился Киран. – Но нам нужно быть предельно осторожными. Никаких рисков, никаких импровизаций.

– Согласна, – сказала Элия. – Я подготовлю защитное снаряжение и дополнительные датчики для мониторинга темпоральных флуктуаций.

– Тогда решено, – подвела итог Лира. – Готовимся к высадке на Хронос. Возможно, там мы найдём ответы на вопросы, которые привели нас сюда. И, если повезёт, ключ к спасению человечества.

Она посмотрела на экран, где всё ещё отображалась трёхмерная модель планеты с мерцающей аномалией. Где-то там, в центре этого странного феномена, возможно, скрывался путь в прошлое – шанс изменить историю, предотвратить Коллапс, вернуть человечеству его звёздную империю. Или, как опасался Корвин, окончательно уничтожить остатки реальности, в которой они существовали.

В любом случае, они были на пороге открытия, которое могло изменить всё. И отступать было поздно.

Подготовка к высадке заняла несколько часов. Элия проверяла и перепроверяла защитное снаряжение, Киран настраивал посадочный модуль, а Лира изучала данные, полученные с зондов, пытаясь составить карту безопасных зон вокруг аномалии.

Наконец всё было готово. Они облачились в лёгкие экспедиционные скафандры – не громоздкие космические костюмы, а скорее усиленные защитные комбинезоны, способные обеспечить автономное жизнеобеспечение в течение суток и защитить от радиации или токсичных веществ.

– Сенсоры встроены прямо в ткань, – объясняла Элия, помогая Лире проверить системы её скафандра. – Они будут непрерывно мониторить окружающую среду и предупреждать о любых аномалиях. Особое внимание уделено детекторам темпоральных флуктуаций – если вы приблизитесь к границе зоны инверсии, костюм немедленно сигнализирует об этом.

– А это? – Лира указала на небольшое устройство, прикреплённое к предплечью скафандра.

– Темпоральный стабилизатор, – ответила Элия. – Теоретическая разработка, основанная на данных с Мнемозины. Должен создавать локальное поле, защищающее от незначительных темпоральных флуктуаций. Не уверена, насколько эффективно это будет работать против полной инверсии, но хоть какая-то защита.

Киран тем временем завершил предполётную проверку посадочного модуля – небольшого суборбитального корабля, предназначенного для перемещения между орбитой и поверхностью планеты.

– Всё готово, – сообщил он. – Посадочная площадка выбрана здесь, – он указал на карту, – примерно в двух километрах от периметра аномалии. Достаточно близко для исследований, но с хорошим запасом безопасности.

Они заняли свои места в посадочном модуле. Киран активировал системы отстыковки, и небольшой корабль отделился от «Странника», который остался на орбите в автоматическом режиме поддержания позиции.

Спуск на поверхность Хроноса был относительно спокойным, лишь при входе в атмосферу они ощутили некоторую турбулентность. Киран уверенно вёл корабль к выбранной посадочной площадке – относительно ровному участку между руинами каких-то строений.

Когда они приземлились и открыли внешний люк, их встретила странная, инопланетная картина. Небо над ними имело бирюзовый оттенок с прожилками зелёного, словно кто-то смешал краски в причудливом узоре. Солнце, видимое сквозь тонкие облака, казалось меньше земного и испускало оранжево-красный свет, придававший всему ландшафту теплое, почти закатное освещение, несмотря на то, что был местный полдень.

Сама поверхность была скалистой, с редкими пятнами растительности – странными, приземистыми растениями с толстыми стеблями и широкими листьями, напоминающими кактусы, но с фиолетовым оттенком. Повсюду виднелись руины – обломки зданий, покосившиеся конструкции, остовы каких-то механизмов.

– Добро пожаловать на Хронос, – тихо произнесла Лира, делая первый шаг на поверхность планеты.

Датчики их скафандров немедленно начали сбор данных. Атмосфера была действительно пригодна для дыхания, хотя и содержала немного больше кислорода, чем оптимально для человека. Температура на поверхности составляла приятные 18°C, а гравитация была чуть слабее земной, что придавало их движениям лёгкую пружинистость.

– Выглядит безжизненным, – заметил Киран, осматривая окрестности. – По крайней мере, с точки зрения фауны.

– Флора тоже не особо разнообразна, – добавила Элия, изучая ближайшие растения. – Монокультура, адаптировавшаяся к местным условиям. Я бы предположила, что это не эндемичные виды, а привезённые исследователями.

– Согласно данным Шэня, планета изначально была практически стерильной, – сказала Лира. – Они привезли некоторые земные и марсианские растения, адаптированные к условиям низкой гравитации и высокой солнечной радиации. То, что мы видим, – вероятно, результат трёхсотлетней эволюции этих культур без человеческого вмешательства.

– Смотрите, – Киран указал в сторону горизонта, где виднелась граница темпоральной аномалии – еле заметное мерцание в воздухе, словно марево над раскалённой дорогой, но с более структурированным, почти геометрическим паттерном.

– Темпоральная мембрана, – кивнула Лира. – Граница между нормальным течением времени и инвертированным.

– Датчики подтверждают наличие сильных пространственно-временных искажений в том направлении, – сказала Элия, проверяя показания. – Но здесь мы в безопасности. Фоновый уровень темпоральных флуктуаций минимален.

– Тогда начнём исследование, – Лира указала на ближайшие руины. – Нас интересуют любые данные о природе аномалии, её происхождении и возможном использовании. Особенно важны записи о людях, входивших в зону инверсии, и последствиях этого.

– Эти здания выглядят как административный центр, – заметил Киран. – Если где-то и сохранились архивы, то, скорее всего, там.

Они осторожно двинулись к руинам, внимательно следя за показаниями датчиков. Здания представляли собой типичные модульные конструкции, использовавшиеся для научных станций в поздний докризисный период – функциональные блоки из армированного композита, соединённые переходами. Большинство строений находилось в плачевном состоянии – обрушившиеся крыши, провалившиеся стены, выбитые окна. Но некоторые сохранились достаточно хорошо, чтобы можно было исследовать их внутренности.

– Осторожно, – предупредил Киран, когда они приблизились к входу в одно из наиболее сохранившихся зданий. – Конструкции могут быть нестабильны.

Внутри здание оказалось более сохранным, чем снаружи. Они вошли в то, что когда-то было главным холлом административного центра. Пыль и обломки покрывали пол, но можно было различить очертания стоек, столов, терминалов.

– Смотрите, – Элия указала на стену, где висела полустёртая схема комплекса. – Карта базы.

Они подошли ближе. Несмотря на выцветшие краски и повреждения, схема всё ещё была читаемой. На ней был изображён научный комплекс, состоящий из нескольких концентрических колец зданий, окружающих центральную структуру, обозначенную как «Ядро» – очевидно, эпицентр темпоральной аномалии.

– Это архивный отсек, – Лира указала на маркировку одного из помещений в здании, где они находились. – Если повезёт, там могли сохраниться носители информации.

Они двинулись по пыльным коридорам, освещая путь фонарями скафандров. Большинство дверей были заблокированы обломками или заклинили от времени, но некоторые поддавались. За ними они находили офисы, лаборатории, технические помещения – все в состоянии запустения и упадка.

Наконец, они достигли двери с маркировкой «Архивный отсек А-7». Дверь была закрыта и, в отличие от большинства других, выглядела относительно неповреждённой.

– Похоже на защищённое хранилище, – заметил Киран, осматривая массивную металлическую дверь. – Вероятно, с системой контроля среды внутри.

Элия изучила панель управления рядом с дверью: – Система заблокирована, но, возможно, я смогу её обойти.

Она достала из своего набора инструментов компактный электронный взломщик и подключила его к панели. Устройство начало перебор возможных кодов, анализируя структуру системы безопасности.

– Может занять некоторое время, – предупредила Элия. – Системы этого периода часто имели необычные протоколы защиты.

Пока Элия работала с дверью, Лира и Киран исследовали соседние помещения. В одном из них они обнаружили то, что когда-то было офисом высокопоставленного сотрудника. На столе лежали остатки бумажных документов – редкость даже в докризисный период. Лира осторожно перевернула полуистлевшие страницы.

– Это личный журнал, – сказала она, разбирая выцветший текст. – Принадлежал… доктору Анне Ли, заместителю директора по исследованиям. Послушайте это:

«День 212 проекта Хронос. Первый долгосрочный эксперимент с живым субъектом в зоне инверсии завершился успешно. Подопытное животное (генетически модифицированная крыса) провело в зоне 24 часа по внешнему времени. При извлечении обнаружено значительное омоложение на клеточном уровне, эквивалентное примерно 15% продолжительности жизни вида. Поведенческие паттерны и память, судя по тестам, не пострадали. Это подтверждает нашу гипотезу о дифференциальном воздействии темпоральной инверсии на физическую и ментальную составляющие живых организмов.

Директор Чен настаивает на ускорении программы и переходе к человеческим испытаниям, несмотря на возражения этического комитета. Его аргумент: "Если мы правы, то у нас есть ключ к бессмертию. Если ошибаемся – что ж, в худшем случае пожертвуем одной жизнью ради величайшего открытия в истории человечества." Я понимаю его рвение, но меня беспокоят долгосрочные последствия. Что если инверсия времени на биологическом уровне – это лишь побочный эффект? Что если истинная цель аномалии – нечто более фундаментальное?»

Лира перевернула страницу, но следующие листы были слишком повреждены, чтобы разобрать текст.

– Бессмертие, – тихо произнёс Киран. – Вот что их интересовало на самом деле.

– Не только, – возразила Лира. – Анна Ли понимала, что может быть нечто большее. Возможность не просто продлить жизнь, но изменить само течение истории.

Их размышления прервал голос Элии из коммуникатора: – Я открыла дверь! Архив доступен.

Они поспешили обратно к архивному отсеку. Массивная дверь была теперь приоткрыта, и Элия с торжествующим видом стояла рядом.

– Система оказалась устойчивее, чем я ожидала, – сказала она. – Но старые протоколы всегда имеют уязвимости.

Они осторожно вошли в архив. В отличие от других помещений базы, здесь царил почти идеальный порядок. Защитные системы, очевидно, работали все триста лет, сохраняя содержимое от разрушительного воздействия времени и окружающей среды. Ряды хранилищ данных, полки с физическими образцами, герметичные контейнеры с документацией – всё выглядело так, словно сотрудники просто вышли ненадолго и вот-вот вернутся.

– Невероятно, – прошептала Лира, осматривая помещение. – Настоящая капсула времени.

– Судя по состоянию, здесь использовались самые продвинутые системы консервации того периода, – заметила Элия. – Возможно, даже с элементами темпоральной стабилизации, разработанными на основе изучения самой аномалии.

Они начали систематический осмотр архива. Киран проверял физические образцы и оборудование, Элия занялась электронными хранилищами данных, а Лира сосредоточилась на документации.

– Здесь целая библиотека исследований о Нексусе, – сказала она, просматривая ряды датакристаллов и бумажных документов. – Отчёты, теории, эксперименты… Десятилетия работы.

– Я нашла рабочую консоль! – воскликнула Элия. – Система в спящем режиме, но, кажется, всё ещё функциональна.

Она активировала древнее устройство, которое медленно загрузилось, отображая интерфейс, типичный для поздней докризисной эпохи. Потребовалось несколько минут, чтобы разобраться в системе и получить доступ к архивным данным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.